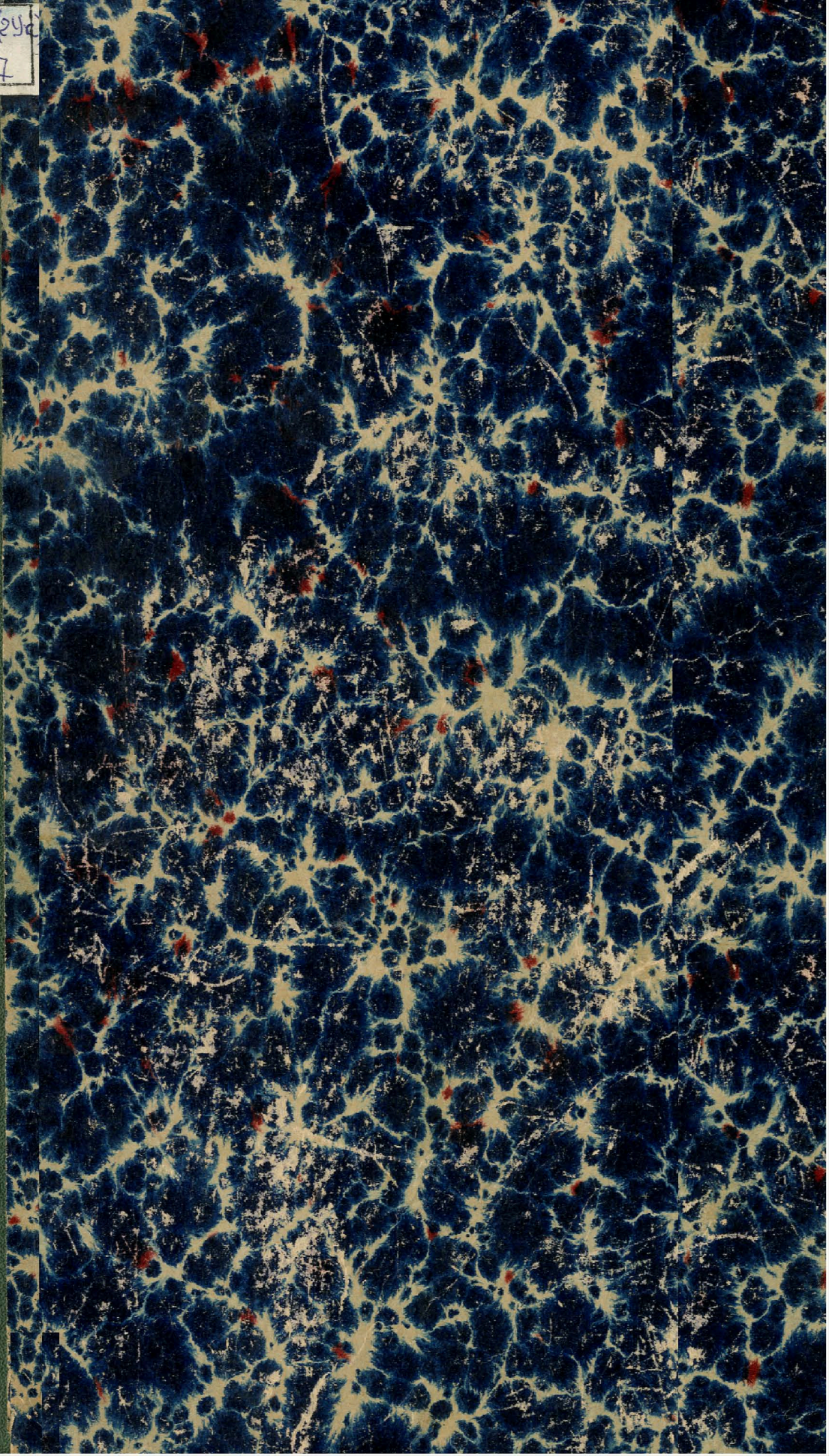

Рк. 4333/24
П. 27

12752 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ +

Шифр Ш.333(2ук)П.24 Инв. № 2626847

Автор Перетис В. Н.

Название Новый труд по истории украинского театра.

Место, год издания СПб. 1917г.

Кол-во стр. 42с. с. 139-192.

- " - отд. листов _____

- " - иллюстраций _____

- " - карт _____

- " - схем _____

Том _____ часть _____ вып. _____

Конволют К кн. прилгеи Здр. книги:

1) В. И. Резанов. Мудрость предвещая.

Киев, издательство графа 1903г. - К.

1912. - [2] 82с. Прилгеи статьи:

Прилгеи: Гордицкий Я. "Византизм"

и "Теодора Прокоповича" - см. оборот

не

"

34

Ц 333 (24)

П 27

В. Н. ПЕРЕТЦЪ.

НОВЫЙ ТРУДЪ

ПО ИСТОРИИ

УКРАИНСКАГО ТЕАТРА.

26268472

Державна ордена Трудового
 Червоного Прапора
 Республіканська бібліотека
 УРСР ім. КЛРС
 -3-

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
 1911.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1911 годъ.

- 1) В. И. Рязановъ. Къ исторіи русской драмы. Эскурсъ въ область театра іезуитовъ. Нѣжинъ. 1910, VIII+464 стр. 8°.
- 2) В. И. Рязановъ. Изъ исторіи русской драмы. Школьные дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. М. 1910. 342+III, 8°.
- 3) В. И. Рязановъ. Памятники русской драматической литературы. Школьные дѣйства XVII—XVIII вв. Приложение къ изслѣдованію „Изъ исторіи русской драмы“. Нѣжинъ. 1907, XVI+329 стр. 8°.

Уже болѣе двадцати лѣтъ прошло послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи русскаго театра“ (т. I, 1888 г.) П. О. Морозова, обнимающей время отъ возникновенія въ Россіи сценическихъ представленій до появленія у насъ классическаго французскаго репертуара въ переводахъ, передѣлкахъ и подражаніяхъ. Но время не проходитъ безслѣдно: углубляясь въ изученіе детальныхъ вопросовъ исторіи русскаго театра и обнаруживая съ каждымъ годомъ новые и новые матеріалы, ранѣе неизвѣстные или недостаточно полно использованные,—мы все болѣе убѣждаемся, что строить общую схему исторіи этой отрасли искусства въ Россіи—нѣсколько преждевременно. Конечно, общій планъ, очеркъ, данный въ извѣстномъ трудѣ Морозова, безъ сомнѣнія, сохранить еще на долгое время свою научную цѣнность и будетъ неизбѣжной опорой при первыхъ шагахъ для каждаго приступающаго къ изученію исторіи русскаго театра; но детали, а часто и цѣлые отдѣлы, въ зависимости отъ новыхъ находокъ и изслѣдованій, должны будутъ нѣсколько измѣниться.

Трудами Creizenach'a, Bahlmann'a, F. Spengler'a, E. Weller'a, d'Huart'a, Duhr'a, B. Goltz'a, W. Richter'a, Lange, J. Wirth'a, Trautmann'a, G. Lühr'a, J. Zeidler'a, N. Scheidt'a, A. Wick'a, J. Bolte, v. Lochner'a, E. Schmidt'a, Diesch'a, Ch. Arnaud, Dürrwächter'a, v. Reinhardtstöttner'a и др. значительно углублено изученіе исторіи европейской драмы. Windakiewicz, Brückner, W. Hahn, Nehring, Plenkiewicz,

Bieliński, Vernacki, я и др.—дали новые матеріалы и отчасти обобщенія относительно исторіи польской драмы, связанной съ судьбами драмы европейской, и въ свою очередь—вліявшей на украинскую и русскую драму XVII—XVIII в. Въ области украинской и старинной русской драмы опубликовано за послѣдніе годы значительное количество матеріаловъ др. Франкомъ, проф. Петровымъ, проф. Вс. Миллеромъ, проф. Шляпкинымъ, проф. Петровскимъ, Георгіевскимъ, проф. Лободю, Розовымъ, наконецъ, пишущимъ эти строки.

Естественно, многое изъ прежде извѣстнаго получило новое освѣщеніе, кое что подверглось пересмотру и должно быть оставлено, а кое-что, какъ театръ царицы Наталіи—явилось совершенно свѣжею новинкою. Тѣмъ не менѣе въ области стариннаго русскаго, точнѣе украинскаго, театра былъ уголъ довольно скудно освѣщенный: это первые опыты украинскихъ драматурговъ. Эти пьесы не разъ пересказывались, снабжались историческимъ комментариемъ, но недоставало главнаго: историко-литературнаго анализа ихъ на фонѣ общей эволюціи театра въ Европѣ. Эту задачу взялся выполнить авторъ названныхъ выше работъ, проф. В. И. Рѣзановъ, перу котораго принадлежатъ и другія работы по исторіи стариннаго русскаго театра: этюдъ объ Актѣ о Калеандрѣ и Неонильдѣ, 1905 г., этюдъ о дѣйствѣ о кн. Петрѣ Златые-Ключи, 1907 г., „Еще одна Кіевская школьная драма“ 1909 г.

Три новыхъ книги проф. Рѣзанова стоятъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ: первая характеризуетъ театръ оо. іезуитовъ и знакомитъ читателя съ ихъ теоретическими воззрѣніями на театръ и драму, а также—съ разнообразными примѣненіями этихъ воззрѣній на практикѣ, у іезуитовъ Италиі, Франціи, Германіи и Польши; во второй книгѣ авторъ, на основаніи предложеннаго въ первой теоретическаго и литературнаго матеріала, пробуетъ дать историко-литературный комментарий къ ряду школьныхъ дѣйствій, главнымъ образомъ Рождественскаго и Пасхальнаго цикла; въ третьей книгѣ предлагаются читателю оправдательные документы—тексты пьесъ, почерпнутые главнымъ образомъ изъ рукописей бібліотеки Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института. Такова въ общихъ чертахъ схема труда проф. Рѣзанова.

I.

Авторъ изслѣдованія справедливо замѣчаетъ, что для изслѣдующаго вопросъ о Кіевской школьной драмѣ важно подвергнуть сравни-

тельному анализу съ одной стороны теорію драмы, какъ она преподавалась въ Виленской академіи, съ другой—привлечь къ изученію и самыя драмы, разыгрывавшіяся на Виленской академической сценѣ. Для надлежащаго же освѣщенія всего этого матеріала послѣдній приходится изучать на фонѣ всей исторіи драматургической дѣятельности іезуитовъ вообще, поскольку она выразилась какъ въ теоретическихъ сочиненіяхъ, такъ и въ примѣненіи теоріи на практикѣ. (Экскурсъ, стр. V).

Изученію этой „драматической дѣятельности іезуитовъ вообще“—и посвящена первая книга обширной диссертациі проф. Рѣзанова. Обратимся къ ея содержанію, плану, источникамъ и пособіямъ.

Содержаніе пространнаго „Экскурса“ таково: *первая* глава (1—24) повѣствуетъ о латинскихъ драмахъ гуманистовъ въ Италіи, Германіи, Франціи и Нидерландахъ; характеризуются сюжеты этихъ драмъ, ихъ внѣшняя форма. Эта глава построена главнымъ образомъ по даннымъ Creizenach'a, отчасти—Goedecke и даетъ извлеченія изъ „Terentius Christianus“ 1599 г., вообще же—мало самостоятельна. Она служитъ какъ бы введеніемъ къ дальнѣйшему изложенію.

Во *второй* главѣ (стр. 25—90), слѣдуя Boyssse'у (Le théâtre des Jesuites) и пользуясь текстами пьесъ Коссена и аббата de Jay, авторъ знакомитъ читателя съ театромъ іезуитовъ во Франціи.

Третья глава (стр. 91—111), на основаніи изслѣдованій Zeidler'a, предлагаетъ очеркъ іезуитской драмы въ Италіи, а затѣмъ—обширныя извлеченія изъ „Ars poëtica“ A. Donati 1631 г. (стр. 97—111) съ сопоставленіями соотвѣтствующихъ мѣстъ съ „Поэтикой“ Аристотеля.

Обширная *четвертая* глава посвящена (стр. 112—160) обрисовкѣ характера Мюнхенскихъ іезуитскихъ драмъ, по Reinhardstöttner'у, изложенію пьесъ Я. Бидерманна и заканчивается пространными выписками изъ рукописнаго сборника Мюнхенской библіотеки половины XVII в.

Въ *пятой* главѣ (стр. 161—234) рѣчь идетъ о театрѣ іезуитовъ въ Вѣнѣ, главнымъ образомъ о пьесахъ Аванцина, съ обильными выписками изъ нихъ. Эта глава построена преимущественно по трудамъ Zeidler'a, Schlager'a и Weilen'a; выписки изъ Аванцина занимаютъ болѣе 60 стр.

Въ *шестой* главѣ (стр. 235—246) находимъ разборъ театральнo-драматической дѣятельности іезуитовъ нижне-рейнской провинціи—ихъ драмъ на сюжеты изъ св. Писанія, историческихъ и аллегориче-

скихъ пьесъ; авторъ здѣсь останавливается нѣсколько на построеніи и на внѣшности этихъ драмъ и удѣляетъ два слова театру іезуитовъ въ Чехіи. Эта глава имѣетъ основаніемъ труды Bahlmann'a и Müller'a, для заключительной части—Menčík'a.

Въ *седьмой* главѣ (стр. 247—291) авторъ излагаетъ теоретическія воззрѣнія на драму въ руководствахъ поэтики—Понтана, Масена и нѣсколько короче—Фосса, патера de-Cugne и Фр. Ланга. Разсужденія названныхъ теоретиковъ авторомъ частью переводятся, частью выписываются цѣликомъ.

Съ *восьмой* главы (стр. 292—375) мы нѣсколько приближаемся къ Россіи: здѣсь, по трудамъ, главнымъ образомъ, кс. Заленскаго и Вуйцицкаго, а также по рукописной „Poetica practica“ 1648 г.—характеризуется дѣятельность іезуитовъ-драматурговъ въ Польшѣ и Литвѣ. Авторъ и тутъ не скужится на выписки: извлеченія изъ „Poetica practica“ занимаютъ 70 страницъ, что объясняется отсутствіемъ въ печатной литературѣ другого болѣе полезнаго руководства, могущаго освѣтить теоретическія воззрѣнія польскихъ іезуитовъ на драму.

Девятая глава (стр. 376—452) предлагаетъ свѣдѣнія о пьесахъ іезуитскаго школьнаго репертуара, исполненныхъ въ Пултускѣ, Познани, Калишѣ, Торнѣ, Ломжѣ, Вильнѣ, Пинскѣ, Витебскѣ, Крожахъ, Варшавѣ, Краковѣ, Полоцкѣ, Минскѣ и др. городахъ Польши и Литвы. Имѣя предшественниковъ въ лицѣ Вуйцицкаго, кс. Заленскаго, а главнымъ образомъ Hahn'a и Lühr'a—авторъ тщательно собралъ въ этой главѣ указанія на рядъ сочиненныхъ и поставленныхъ іезуитами на сценѣ пьесъ, а кромѣ того—далъ обстоятельное описаніе рукописнаго сборника латинскихъ и польскихъ пьесъ Импер. Публ. Библиотеки *Разн. Q. XIV, № 10*, сопровождая это описаніе также обильными извлеченіями.

Десятая глава представляетъ какъ бы итоги тѣхъ наблюдений, которыя могутъ быть сдѣланы на основаніи собраннаго г. Рѣзановымъ матеріала. Выводы эти вкратцѣ таковы. Іезуитская драма, примыкающая къ латинской драмѣ гуманистовъ, „представляетъ собою особый потокъ въ области европейскаго театра“. Въ зависимости отъ тенденцій іезуитовъ и отъ вліянія античныхъ авторитетовъ—въ іезуитскихъ произведеніяхъ наблюдаются двѣ струи: христіанско-католическая и антично-классическая. Наряду съ діалогами или декламаціями іезуиты ставили торжественные публичные спектакли, „дававшіе сильныя эстетическія впечатлѣнія мастерски подобраннѣмъ, трогательнѣмъ, потрясающѣмъ, возвышающѣмъ... содержаніемъ, искуснѣмъ изобра-

женіемъ характеровъ, настроеній, ситуацій дѣйствующихъ лицъ, развитія дѣйствія, обстановкой, сценическими эффектами, но въ то же время оказывавшіе и огромное моральное воздѣйствіе, своимъ яркимъ, образнымъ выраженіемъ проводимой идеи, давая пищу и разуму, мысли и чувству, и направляя извѣстнымъ образомъ волю“ ... (стр. 453—454). Авторъ оцѣниваетъ іезуитскій театръ въ художественномъ отношеніи выше, чѣмъ ставили его ранѣе, не зная его детально; авторы-іезуиты „должны быть признаны весьма талантливыми, сильными драматургами“, давшими образцовыя творенія, изобилующія эффектными и изящными мѣстами“ (стр. 454). Къ тому же и „поэтика іезуитовъ-драматурговъ отнюдь не представляла собой чего либо окаменѣлаго, разъ навсегда устанѡвленнаго“ (ibid.): помимо отзвуковъ мѣстной театральной свѣтской практики — обнаруживаются два чисто теоретическихъ теченія: болѣе консервативное и болѣе свободное; оба они отражаются и на польской почвѣ (стр. 454—455). Практика выработала (три) основныхъ типа іезуитскихъ пьесъ: классныя діалоги, пьесы на случай (иногда панегирическія) и парадныя спектакли съ балетами и интерлюдіями; при этомъ сюжеты для драматической обработки заимствовались изъ области легендъ о святыхъ и выдающихся подвижникахъ іезуитскаго ордена, изъ исторіи разныхъ народовъ, съ преобладаніемъ анекдотовъ; жизнь и страданія Іисуса Христа давала іезуитамъ лишь отдѣльные моменты, которые они развивали при помощи „благочестиво-тенденціозныхъ домысловъ и вымысловъ“ и аллегорическихъ фигуръ, символовъ и эмблемъ (455—456). Въ противоположность средневѣковому реалистическому отношенію къ священнымъ событіямъ и лицамъ, іезуиты стремились окружить ихъ „покровомъ священно-мистической возвышенной таинственности“..., но вмѣстѣ съ тѣмъ іезуитскія пьесы—„не отличались всецѣло серьезнымъ, торжественнымъ характеромъ: даже въ трагедіяхъ о святыхъ, мученикахъ, въ пьесахъ съ библейскимъ содержаніемъ, встрѣчаются не только веселыя пѣсни и пляски, но и шумныя сцены свѣтскихъ удовольствій и развлеченій, какимъ предается, напр., легкомысленный юноша наканунѣ своего обращенія, покаянія и исправленія“ (стр. 456—457). Интермедіи же, дававшія иногда пародію сюжета серьезной драмы, имѣли своей прямой задачей забаву зрителей (стр. 457); то же назначеніе имѣли и балеты, въ которыхъ выступали аллегорическія фигуры или антично-миеологическіе персонажи. Эти балеты-интермедіи рано стали замѣнять простые хоры (стр. 457). „Въ связи съ этими „балетами“ стоятъ цѣлыя драмы первоначально также

итальянскаго происхожденія, составлявшіяся изъ аллегорическихъ и миеологическихъ элементовъ и мотивовъ, проникнутыя панегирическимъ настроеніемъ и назначавшіяся для народныхъ спектаклей въ честь высокихъ особъ“...—ревностно культивировавшіяся іезуитами (стр. 457). Іезуитскія пьесы имѣли нѣсколько дѣйствій (отъ одного до семи), чаще 3—5; онѣ начинались прологомъ, заканчивались эпилогомъ; иногда каждому акту предшествовали цѣнные аллегорическія сцены—антипрологи, заключавшія въ себѣ намекъ на содержаніе пьесы; каждый актъ оканчивался хоровою пѣснью; тамъ и сямъ вставлялись интермедіи забавнаго характера. При этомъ—не всѣ названные элементы всегда бывали на лицо: строеніе пьесъ отличается большимъ разнообразіемъ (стр. 458).

Не всѣ выводы автора представляютъ его личную заслугу; въ значительной степени они обязаны возникновеніемъ трудамъ его предшественниковъ и въ русской научной литературѣ стали извѣстны еще частью по трудамъ ак. Тихонравова, частью—изъ упомянутой книги П. О. Морозова. Но все же, автору диссертации принадлежитъ нѣчто большее, чѣмъ подборъ и выписка сырого рукописнаго и старопечатнаго матеріала и чужихъ мнѣній: правда, классифицируя свой матеріаль, авторъ очень рѣдко пускается въ изслѣдованіе, предпочитая повѣствованіе, но все же онъ въ своемъ „Экскурсѣ“ подготовилъ для читателя доступъ къ правильной исторической оцѣнкѣ и пониманію Кіевской школьной драмы, анализу которой посвященъ второй томъ его диссертации. Очень любопытны и самостоятельны наблюденія надъ теоретическими воззрѣніями іезуитскихъ теоретиковъ драмы—Донати, Понтана, Масена, Ланга и др. „Экскурсѣ“ даетъ дальнѣйшимъ работамъ и г. Рѣзанова и его продолжателей, если таковые найдутся, устойчивый, осязательный базисъ при дальнѣйшемъ изученіи судебъ школьной драмы въ Россіи.

Признавая эти достоинства, нельзя однако обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ диссертации, сначала—перваго ея тома.

Прежде всего авторъ предлагаетъ вниманію читателя въ своемъ „Экскурсѣ“ слишкомъ много черной работы, того „багажа учености“, который обычно относится въ приложенія или, если публикуется въ текстѣ изслѣдованія—то лишь тогда, когда самъ служитъ объектомъ изслѣдованія, а не справочнымъ матеріаломъ; возможно присутствіе такого матеріала и тогда, когда онъ впервые извлеченъ изъ рѣдкихъ и малодоступныхъ рукописныхъ источниковъ. Не то мы видимъ у г. Рѣзанова; онъ съ удовольствіемъ черпаетъ не только изъ своихъ

первоисточниковъ, но и изъ пособій—отсюда получается излишняя пухлость книги. Нельзя не отмѣтить также крайней неровности въ обработкѣ и оцѣнкѣ матеріала: тамъ, гдѣ авторъ имѣетъ хорошихъ предшественниковъ—и его изложеніе приобретаетъ большую полноту, обстоятельность и законченность; тамъ же, гдѣ онъ встрѣчается съ новымъ сырымъ матеріаломъ, онъ просто выписываетъ его цѣликомъ „пареміями и посланіями“, при чемъ цитируетъ даже то, что совершенно не имѣетъ отношенія къ русской драмѣ (напр., стр. 87 и др.).

Остановимся на нѣсколькихъ пунктахъ „Экскурса“, вызывающихъ у насъ нѣкоторыя desiderata. Прежде всего — почему авторъ, въ магистерской диссертации („Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“, С.-Пб. 1906 г. и *Журн. Мин. Нар. Просв.*) обнаружившій знаніе испанскаго языка (стр. 333—350 цитаты и сравн.), столь рѣдкое у насъ, въ настоящемъ трудѣ совершенно ни словомъ не обмолвился о классической странѣ іезуитовъ—объ Испаніи? А между тѣмъ, трудно думать, чтобы тамошніе оо. іезуиты страдали полною атрофіей творческихъ способностей въ области драматургіи. Ниже, во второмъ томѣ онъ также, анализируя рождественскія пьесы, игнорируетъ „El misterio de los Reges magos“ и др. пьесы этого рода.

Точно также значительнымъ, замѣтнымъ пробѣломъ въ „Экскурсѣ“ является отсутствіе характеристики трудовъ чешскихъ іезуитовъ, кромѣ нѣсколькихъ строкъ (стр. 246) по книгѣ Менѣик'а, между тѣмъ какъ чешскія пьесы, какъ и польскія—наиболѣе интересны для историка русскаго театра. Ссылка на отсутствіе по этому вопросу литературы—не оправдываетъ автора; кромѣ известной ему книги Менѣик'а и оставшихся неизвѣстными трудовъ Nebeského, Gebauer'a, Winter'a, Dvorského, Žirovnického, Jos. Jirečka, Zibrť'a, Rezek'a, Blass'a, Machál'a и др. есть для исторіи чешской драмы XVI и нач. XVII в. полезное пособіе проф. Францева „Чешскія драматическія произведенія XVI—XVII ст.“ (Варш. 1903 г.).

Равнымъ образомъ умалчиваетъ проф. Рѣзановъ и объ уніатахъ Югозападной Руси, близко стоявшихъ къ литературнымъ вкусамъ и интересамъ Польши; у нихъ, какъ мы знаемъ изъ труда К. В. Харламповича, известнаго и проф. Рѣзанову,—школы были построены по образцу латино-польскихъ, въ частности—іезуитскихъ. Что тамъ писали и ставили на сценѣ пьесы—объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы пьеса „Declamatio de Nomine dulcissimi Jesu circumcisi“, поставленная въ Кіевѣ въ XVII в. и изданная въ 1903 г. въ Лейпцигѣ проф. R. Abicht'омъ по рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, остав-

шейся неизвѣстной, какъ и изданіе, проф. Рѣзанову. А между тѣмъ онъ тратитъ массу времени и мѣста въ книгѣ, излагая подробно рядъ французскихъ іезуитскихъ пьесъ, очень далекихъ отъ русскихъ, что, впрочемъ, и самъ признаетъ въ своей диссертации (Экскурсъ, стр. 89).

Иезуитская школьная драма, какъ опредѣленный литературный жанръ, была связана съ интермедіями. О послѣднихъ, какъ мы видѣли, авторъ говоритъ въ своихъ „итогахъ“. Объ этой связи узнаемъ и изъ теоретическихъ руководствъ, и изъ самыхъ пьесъ и ихъ программъ, дошедшихъ до насъ. Однако, авторъ въ „Экскурсъ“ упоминаетъ объ интермедіяхъ лишь вскользь (стр. 83), совершенно не останавливаясь на анализѣ ихъ въ связи съ интермедіями польскими и русскими.

Слѣдовало бы, конечно, на своемъ мѣстѣ упомянуть, что въ іезуитской драмѣ расположеніе частей пьесы—отъ формы обращенія къ зрителямъ и антипролога до эпилога включительно—было настолько модно и настолько правилось въ XVII в., что было усвоено не только Кіевскими духовными драматургами, но и свѣтскими—въ Московской Россіи, и при томъ—въ XVIII в.: ср. напр., расположеніе частей въ „Актѣ о Калеандрѣ“ и др. пьесахъ этого рода, чего не могъ бы не замѣтить авторъ диссертации при нѣскольکو меньшей торопливости.

Обычно щедрый на выписки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ оказывается необыкновенно скупъ на слова; ниже мы дадимъ перечень пѣтикъ XVII—XVIII в., которыя обошелъ молчаніемъ нашъ авторъ, теперь остановимъ наше вниманіе на діалогахъ. Онъ часто говоритъ о нихъ, особенно о декламаціяхъ на Рождество Христово (Экск., 114, 121, 126, 129, 132, 293, 301, 377, 380, 451 и passim), но вездѣ какъ-то мимоходомъ, не останавливаясь на польскихъ и латинскихъ произведеніяхъ этого рода, имѣющихся въ рукописяхъ Имп. Публ. Библ. и др. Такъ въ рукоп. *Разнояз. О. XIV № 6, XVII в.* читаемъ „Lament przy grobie na Wielki Piątek“ (нач.: „O duszo grzeszna, także zardtwardziała“...); съ л. 8-го—другой діалогъ, также польскій, въ которомъ принимаютъ участіе Heliasz, Megera, Angelus 1-mus, Angelus 2-dus, и др.; на л. 15 снова діалогъ—латинскій, въ которомъ выступаютъ аллегорическія фигуры: Oboedientia, Fides, Spes, Charitas и др. Свѣдѣнія объ этой рукописи и діалогахъ давно даны мною въ VII-й главѣ замѣтокъ „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“ С.-Пб. 1905, стр. 45 и сл.; здѣсь же мною изданъ діалогъ

пилигрима съ дьяволомъ. Въ рук. Имп. Публ. Библ. *Разнояз. О. XIV*, № 12 конца XVII в. (до 1701 г. во всякомъ случаѣ) ¹⁾ латинская „*Declamatio*“—„*Augustissimae Virgini*“..., всего 17 строфъ по 8 стиховъ (л. 29—31 об.), при чемъ на поляхъ сохранились имена учениковъ, произносившихъ, а можетъ быть, и сочинявшихъ эти стихи. „*Dialogus de Passione Christi*“, „*Rozmowe dusze z ciałem*“ и др. находимъ въ рук. Имп. Публ. Библ. *Польск. Q. XIV*, № 80, известной проф. Рѣзанову; отсюда онъ могъ бы извлечь и небезполезное для него указаніе на то, какъ относились къ школьнымъ представленіямъ обыватели; въ прологѣ драмы о блудномъ сынѣ (л. 1) бесѣдуютъ *Mysłiwiec* и *p. Dumański* о предстоящемъ представленіи: *второй*, „*Festa mięso-pustne ucieszne sprawujac*“, увѣренъ, что —

„*Będzie nieco ucieshy, pięknie zabawienie*“ (л. 1 об.);

его собесѣдникъ скептически замѣчаетъ:

„*A wierze o tym (?) będzie pięknać materia,*
Ale to nie po plecach zakonnych Aktia.
Trzeba by sz tu, iak mniemam studentow krakowskich,
Albo komedyantow iakich sławnych włoskich.
Zakonnicy, iak żywo tym się nie bawili,
Którzy wszytek żywot swoj w zakonie strawili—
Bardzo wątpię, by temu uczynili dosyć,
I lepiej by dać pokój, niżli się kokoszyć“.

Dumański ему въ свой чередъ возражаетъ:

„*O miły bracie, zakonnej naco szkoły stanie,*
Na tym baczny ten słuchacz bardzo rad przestanie“...

Полагаемъ, что въ большомъ собраніи рук. Залускаго въ Имп. Публ. Библ. найдется еще не мало рукописей, содержащихъ діалоги на разнообразныя сюжеты. Замѣтимъ здѣсь попутно, что въ дальнѣйшей части своего труда проф. Рѣзановъ уже совершенно игнорируетъ старшіе украинскіе діалоги, сложившіеся подъ вліяніемъ обычаевъ іезуитской школы.

Говоря о Я. Бидерманнѣ, авторѣ школьныхъ драмъ (Экскурсъ, 132 и др.), проф. Рѣзановъ упускаетъ одно существенное обстоятельство, которое для его цѣлей должно было оказаться полезнымъ: рукописныя цитати, какъ латино-польскія, такъ и украинскія — цитируютъ имя Бидерманна часто и указываютъ, что его пьесы считались

¹⁾ На л. 58 читаемъ куріозную замѣтку составителя сборника: „*Anno Dni 1701 D. 8-va Maji promisi Divinae Maiestati usque ad mortem abstineri a potu cremati*“.

въ школахъ образцовыми. Нѣсколько торопливо идя впередъ въ своемъ изложеніи, нашъ авторъ (на стр. 151 и сл.) даетъ краткую схему содержания пьесъ Бидерманна, напимѣръ, о Іоаннѣ Коловѣ (Ioannes Colubita) и скользить далѣе, не выясняя, въ чемъ именно кромѣ драматической формы сказалась обработка житійнаго сюжета авторомъ-іезуитомъ.

Обратимся еще къ нѣкоторымъ пунктамъ „Экскурса“.

На стр. 405—406 авторъ предлагаетъ бѣглый обзоръ или программу двухъ обработокъ темы о блудномъ сынѣ по рукоп. Имп. Публ. Библ. *Разнояз. Q. XIV, № 10*; въ „дополненіяхъ“ (460 и 462 стр.) находимъ указанія еще на двѣ пьесы на тотъ же сюжетъ и—въ той же рукописи. Думается, слѣдовало бы поставить эти разработки въ связь съ цѣлымъ рядомъ другихъ произведеній на тотъ же модный въ XVII в. сюжетъ, вызвавшій и въ Москвѣ появленіе пьесы аналогичнаго характера. Кстати объ упомянутой рукописи: проф. Рѣзановъ ни словомъ не упоминаетъ, что въ научную литературу первыя свѣдѣнія о ней были внесены пишущимъ эти строки: въ гл. VI замѣтокъ „Къ исторіи русскаго и польскаго народнаго театра“ 1905 г. мною было дано бѣглое, но достаточно знакомящее съ составомъ рукописи описаніе этого сборника, и изданы двѣ интермедіи 1) къ пьесѣ „Daniel do jaskini wżyscony“—о шутѣ (scurra), 2) къ пьесѣ „Władysław-Jagiello“—о татаринѣ и нѣмцѣ (ib. гл. I и VI).

Въ 1707 г. появилась іезуитская драма „Ezechias rex Iudae pius“, а въ 1727 г. Ис. Хмарный написалъ русскую пьесу о томъ же ц. Езекии; невольно является вопросъ—въ какомъ отношеніи между собою находятся обѣ эти пьесы? Авторъ не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ, только упоминая о латинской пьесѣ въ „Экскурсѣ“ стр. 237 и печатая варианты къ моему изданію этой русской пьесы въ „Приложеніи“ къ диссертаци.

Слѣдовало бы отмѣтить еще нѣсколько мелочей: сюжетъ о пьяницѣ (resp. бѣднякѣ), превращенномъ во снѣ въ короля, обработанъ былъ не только патеромъ de Jay, а что важнѣе и ближе къ намъ—польскимъ писателемъ интересующей г. Рѣзанова эпохи, П. Барыкой въ пьесѣ „Z chlora król“; тотъ же сюжетъ былъ распространенъ и не въ школьной драматической литературѣ, вспомнимъ „Жизнь—сонъ“ Кальдерона и др.

Въ пьесѣ Мюнх. библ. XVII в. о Теофилѣ (Экскурсъ, 122) argumentum соотвѣтствуетъ тому обращенію, которое мы встрѣчамъ и въ русской пьесѣ—Актъ о Калеандрѣ и др.

Повторяемъ—„Экскурсъ“ есть сборникъ полуобработаннаго мате-

ріала. Но авторъ при нѣкоторомъ желаніи могъ бы переварить его и предложить читателю въ болѣе пріемлемомъ и болѣе краткомъ видѣ. Авторъ почему-то располагаетъ свой матеріаль топографически, какъ будто іезуитскія пьесы во Франціи, Германіи, Австріи и Нидерландахъ отличались чѣмъ либо особымъ, въ зависимости отъ территоріи и національности. Но этого авторъ не утверждаетъ. Слѣдовательно, гораздо проще было бы разбить матеріаль по инымъ рубрикамъ и дать читателю сводъ итоговъ изъ наблюдений надъ судьбою *діалога, панегирическаго или историческаго дѣйства* и наконецъ— *торжественнаго представленія*. При такомъ планѣ можно было бы яснѣе очертить и содержаніе іезуитскихъ пьесъ, изучить источники ихъ, прослѣдить взаимоотношеніе между пьесами, разрабатывающими одну и ту же тему; слѣдовало бы изучить указанія на приемы игры актеровъ, на костюмы, вообще на *mise en scène* и пр.

Останавливаясь на послѣднемъ, должно замѣтить, что авторъ, опираясь на данныя, собранныя Petit-de-Julleville'емъ („Les Mystères“), Ebert'омъ (статья котораго, впрочемъ, осталась неизвѣстной г. Рѣзанову), а также пользуясь данными піитики Masen'a и черпая изъ руководства 1648 г. „Poetica practica“ (Экск., 371) и изъ ремарокъ режиссеровъ и авторовъ (Экск., 95 и др., также „Актъ о Калеандрѣ“, пьеса о Соломонѣ и др.), добавляя данныя изъ самаго текста пьесъ— могъ бы предложить читателю интересную картину сценическаго искусства у іезуитовъ и ихъ подражателей. Между тѣмъ авторъ цитируетъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ свѣдѣнія по этому вопросу, приводитъ во второй части диссертации даже полный „Apparatus personarum“ (180—181) и пр., и всѣ эти данныя являются чѣмъ-то разрозненнымъ, случайнымъ, не связаннымъ. А, между тѣмъ, въ изслѣдованіи іезуитской драматургіи на это обстоятельство слѣдуетъ обратить особое вниманіе: іезуиты были весьма внимательны къ постановкѣ пьесъ и часто прибѣгали къ такимъ сценическимъ эффектамъ, которыхъ не знаетъ театръ средневѣковья и гуманистовъ.

Заканчивая замѣчанія на „Экскурсъ“, упомяну, что переводя цитируемыя мѣста изъ латинскихъ піитикъ, авторъ изслѣдованія болѣе заботится о точномъ смыслѣ, чѣмъ о буквальной передачѣ оригинала, порою сокращая его (напр., стр. 30 и 350 и др.); замѣчу только, что пора бросить старый переводъ термина *imitatio* словомъ „подражаніе“: лучше этотъ терминъ передавать въ цитатахъ изъ піитикъ словомъ „воспроизведеніе“.

Указателя къ Экскурсу нѣтъ, а онъ былъ бы полезенъ.

II.

Во второмъ томѣ диссертациі, „Школьные дѣйствія XVII—XVIII вѣковъ и театръ іезуитовъ“, проф. Рѣзановъ обращается къ анализу и комментарию съ одной стороны—главъ Кіевскихъ и аналогичныхъ имъ пїитикъ XVII—XVIII ст., посвященныхъ теоріи драмы; съ другой стороны—школьныхъ драмъ, созданныхъ по правиламъ, продиктованнымъ этими пїитиками; при этомъ главное мѣсто занимаетъ комментарий къ опубликованнымъ впервые проф. Рѣзановымъ пьесамъ, извлеченнымъ изъ рукописей Нѣжинскаго историко-филологическаго института. Книга эта заключаетъ въ себѣ пять главъ неравнаго объема и достоинства.

Въ *первой* главѣ (стр. 5—53) авторъ знакомитъ насъ съ теоріей драмы въ старинныхъ Кіевскихъ, отчасти—Московскихъ, Тверскихъ, Новгородскихъ и Смоленскихъ курсахъ. Планъ работы—примитивный: какъ и въ „Экскурсѣ“, авторъ извлекаетъ изъ рукописныхъ пїитикъ, въ хронологическомъ порядкѣ, и изъ печатнаго курса Теофана Прокоповича—всѣ, какія есть, свѣдѣнія о воззрѣніяхъ авторовъ этихъ руководствъ на драму, при чемъ попутно предлагаетъ указанія, въ какой мѣрѣ эти руководства имѣли соприкосновеніе съ трудами Донати, Скалигера, Масена; большею частью, по наблюденію проф. Рѣзанова, украинскіе авторы пїитикъ черпали свой матеріалъ не непосредственно изъ названныхъ ученыхъ, а при посредствѣ латино-польскихъ іезуитскихъ пїитикъ. Этотъ выводъ, впрочемъ, является болѣе гипотетическимъ, чѣмъ доказаннымъ.

Во *второй* главѣ (54—132) разсматриваются украинскія школьные дѣйства Рождественскаго цикла и комментируются въ связи съ аналогичными литературными памятниками западноевропейскими и польскими: въ *третьей* (стр. 133—259)—дѣйства Пасхальнаго цикла; въ *четвертой* (стр. 260—335)—драмы о святыхъ, драмы типа моралитѣ, драмы на историческіе и библейскіе сюжеты; наконецъ—дѣйства панегирическія. Въ *пятой* главѣ (стр. 336—342)—предлагаются выводы, къ которымъ пришелъ изслѣдователь, благодаря своимъ разысканіямъ и трудамъ предшественниковъ.

Выводы эти вкратцѣ таковы (пользуемся *тезисами* въ изложеніи самого автора).

„Первенцы русскаго (точнѣе—украинскаго В. П.) театра, сценическія представленія въ Кіевской академіи—возникли подъ вліяніемъ примѣра западноевропейскихъ учебныхъ заведеній, въ особенности типы

іезуитовъ, ближайшимъ образомъ польскихъ“ (тез. 1). „Въ основѣ теоріи драмы, излагавшейся въ курсахъ поэтики въ кievской духовной академіи и учебныхъ заведеніяхъ (организованныхъ по ея образцу), лежало, главнымъ образомъ, ученіе Я. Понтана, отъ котораго порою дѣлались отступленія подѣ вліяніемъ другихъ авторитетовъ (А. Донати, Я. Масена) и подѣ воздействиемъ практическихъ примѣровъ. Глубокаго изученія теоріи драмы у насъ не было: усваивалась лишь внѣшняя сторона“ (тез. 6). При этомъ—чѣмъ старше былъ курсъ поэтики, тѣмъ меньше обнаруживается въ немъ интереса къ драмѣ, чѣмъ позже—тѣмъ обстоятельнѣе излагается этотъ отдѣлъ (дисс., стр. 336). Изъ авторовъ Киевскихъ поэтикъ лишь одинъ Ѳ. Прокоповичъ беретъ свѣдѣнія непосредственно изъ Понтана, позднѣйшіе авторы—пользуются Ѳеоф. Прокоповичемъ (дисс., 337). Сравнительное изученіе Киевскихъ и др. школьныхъ пьесъ „приводитъ къ выводу, что русская (соб. украинская), школьная драма возникла не только подѣ вліяніемъ теоріи и образцовъ европейской (іезуитской) школьной драмы XVI—XVII вв., но что здѣсь нашли отраженіе и вообще теченія стариннаго европейскаго театра, предшествовавшія свѣтской французской классической трагедіи и комедіи“ (тез. 7). „Теченія эти достигли до Россіи черезъ посредство Польши, усваивавшей и воспроизводившей явленіе европейскаго театра въ довольно чистомъ видѣ, отчасти ихъ перерабатывавшей соотвѣтственно новымъ литературнымъ запросамъ“ (тез. 8). „Наиболѣе значительныя группы драмъ въ нашемъ школьномъ репертуарѣ составляютъ рождественскія и особенно пасхальныя дѣйства; въ памятникахъ этихъ цикловъ наблюдаются отзвуки и своеобразныя контаминаціи, сліяніе элементовъ средневѣковыхъ рождественскихъ и пасхальныхъ мистерій съ одной стороны, и школьно-іезуитскаго театра съ другой; лишь въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ дѣйствъ выдерживается болѣе чистый стиль то іезуитской драмы, то мистеріи“ (тез. 9). „Въ другихъ группахъ нашихъ школьныхъ дѣйствъ вліяніе театра іезуитовъ отразилось гораздо значительнѣе, нежели въ драмахъ рождественскихъ и пасхальныхъ; іезуитская поэтика нашла здѣсь полное примѣненіе и возвела произведеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ драматурговъ, авторовъ пяти-актныхъ пьесъ съ хорами, написанныхъ по всѣмъ правиламъ, на вершину школьно-драматическаго искусства“ (тез. 11). „Въ школьныхъ дѣйствахъ XVII—XVIII вв. русская (главнымъ образомъ украинская. В. П.) драма пережила тѣ стадіи, какія проходила въ своемъ историческомъ развитіи среди перекрещивающихся и смѣняющихся разнообразныхъ внѣш-

нихъ и внутреннихъ вліяній и причинъ, европейская драма до установленія господства французскаго классицизма. Оставить за собой эти этапы было условіемъ исторической необходимости, неизбѣжнымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ нашего театра (тез. 12).

Кромѣ этихъ выводовъ, включенныхъ въ „тезисы“ самимъ авторомъ—отмѣтимъ еще нѣсколько болѣе мелкихъ, но на нашъ взглядъ не менѣе цѣнныхъ, касающихся конкретно и точно опредѣленныхъ сторонъ украинской драмы. Таково замѣчаніе относительно того, что внутренняя энергія іезуитскихъ драмъ осталась чуждою русскимъ драматургамъ (дисс., стр. 339); что драмы на сюжеты агіографическіе—въ противоположность театру іезуитовъ—у насъ не были особенно популярны (стр. 340); что въ группѣ пьесъ на сюжеты историческіе наблюдается нѣсколько типовъ пьесъ соотвѣтствующихъ различнымъ ступенямъ эволюціи драмы (ibid.). Интересны сближенія при анализѣ пьесъ, устанавливающія непосредственные источники для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но, на примѣръ, связь (текстуальная) Рождественскихъ и особенно Пасхальныхъ украинскихъ драмъ—съ западноевропейскими, несмотря на утвержденіе проф. Рѣзанова—кажется намъ скорѣе высшею въ воздухѣ, чѣмъ доказанной: особенно сомнительно это для Пасхальныхъ пьесъ, которыя свободно могли воспользоваться матеріаломъ хорошо извѣстнымъ въ русской средѣ и бывшимъ общимъ источникомъ также и для западноевропейскихъ авторовъ мистерій. Говорить здѣсь объ „эволюціи“ да еще „отъ береговъ Атлантическаго океана до предѣловъ Западной Сибири включительно“ (тез. 10) кажется намъ черезчуръ смѣлымъ, при наличіи общаго источника. Форма же, поскольку можно прослѣдить на изданныхъ текстахъ пьесъ—едва ли „эволюціонировала“... Во всякомъ случаѣ, мы здѣсь имѣемъ хронологически последовательное появленіе новыхъ пьесъ въ зависимости отъ новыхъ модныхъ теченій и вліяній, шедшихъ съ Запада, а не приспособленіе, не развитіе и переработку старыхъ пьесъ мистеріальнаго типа и потому, думается, говорить объ эволюціи драмы на русской (resp. украинской) почвѣ представляется намъ рискованною игрою популярнымъ терминомъ.

Обращаемся къ изслѣдованію проф. Рѣзанова и повнимательнѣе разсмотримъ нѣкоторыя мѣста, а также сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній методологическаго характера.

Группируя последовательно свой матеріалъ, согласно избранной схемѣ, нашъ авторъ невсегда, однако, въ каждой изъ главъ своей работы обращаетъ вниманіе на труды своихъ предшественниковъ и,

можетъ быть, потому остается въ невѣдѣніи относительно матеріала, который могъ бы сослужить ему службу при изслѣдованіи, напримѣръ, развитія теоретическихъ взглядовъ на драму кievскихъ и др. пiитикъ. Такъ въ главѣ 1-й, стр. 6 онъ совершенно напрасно полагаетъ, что пiитика 1637 г., упоминаемая М. Булгаковымъ, не уцѣлѣла, или затерялась и не разыскана: она не разыскана только г. Рѣзановымъ, и находится благополучно въ библиотекѣ Кіево-Софійскаго собора подь № 442, а въ Описаніи рукописей этого собора проф. Петрова значится въ вып. III, на стр. 307—и описаніе сборника, въ которомъ сохранилась эта старѣйшая пiитика; точное заглавіе ея „Liber artis poeticae scriptus per me Andream Starnowiecki. Anno Domini 1637“. Текстъ, вѣроятно, восходитъ къ руководству Масена. Мѣсто происхожденія учебника—не Кіевская могилянская коллегія, а какая-то польская.

Затѣмъ, почему-то нашъ ученый игнорируетъ курсъ пiитики 1731 г., преподаанный въ Твери, „Idea artis poeseos“, извлеченія изъ котораго были опубликованы мною еще въ 1907 г. (рукоп. Тверск. семин. № 31) въ статьѣ „Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра“, С.-Пб. 1907 (Изв. отд. рус. языка и слов. Императ. Акад. Наукъ, т. XII). Если эта пiитика несамостоятельно составлена, не слѣдовало бы объ этомъ умалчивать.

Усматривая посредствующій источникъ между гуманистическими пiитиками и иезуитскими съ одной стороны—и украинскими съ другой, именно въ латино-польскихъ учебникахъ (стр. 10, 11, 13, 25 и сл.), слѣдовало бы попытаться доказать это съ документами въ рукахъ. Детально пересказывая и переписывая страницы изъ учебника „Poetica practica“ 1648 г., нашъ авторъ оставляетъ безъ вниманія другія пiитики того же типа, современныя украинскимъ; а между тѣмъ при анализѣ послѣднихъ ему могли оказать помощь хотя бы слѣдующія рукописи Императорской Публичной библиотеки: отд. Разн.—Q. XIV, № 8, Q. XIV, № 14; Q. XIV, № 15—пiитика, преподаваемая въ Пултускѣ, изъ котораго такъ много драмъ упоминается въ трудѣ г. Рѣзанова; Q. XIV, № 21, Q. XIV, № 27, 1715 г.; Q. XIV, № 28—1701 г.; Q. XIV, № 37—1684 г., Познанской коллегіи; Q. XIV, № 41—1702 г., Радомской коллегіи; Q. XIV, № 47; Q. XIV, № 61—Смоленской коллегіи 1758—1759 г.; Q. XIV, № 62—1751 г. преподаанныя во Львовѣ; Q. XVII, № 201; Q. XVII, № 205—1691 г., въ Ярославлѣ; Q. XVII, № 222—„Introductio ad portam Apollineam“; Q. XVII, № 223; Q. XVII, № 224; Q. XVII, № 226 — Varsoviae, Soc. Iesu, 1742—1743 г.; Q. XVII,

2

№ 235, collegii Drohiciniensis 1706—1707 г.; Q. XVII, № 236—collegii Plocensis; Q. XVII, № 238, Varsoviae, 1695 г. Весьма возможно, что въ той же Императорской Публичной библиотекѣ, въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и въ другихъ книгохранилищахъ найдутся еще латино-польскія піитики; ихъ должно быть много въ Виленской Публичной библиотекѣ; навѣрное — есть онѣ и во Львовѣ и въ Краковѣ и въ Варшавѣ. Трудно, конечно, собрать и обслѣдовать весь этотъ матеріалъ, но — это было бы изслѣдованіе, идущее вглубь, а не растекающееся вширь, часто рискующее вмѣсто прочнаго тезиса дать еще одну гипотезу, которыхъ и такъ много въ нашей наукѣ. Во всякомъ случаѣ, анализу украинскихъ піитикъ слѣдовало бы предпослать болѣе детальное изслѣдованіе латино-польскихъ руководствъ этого рода, чѣмъ то, какое находимъ въ разбираемой книгѣ. Тогда бы утверждения автора ея приобрѣли болѣе вѣсъ и убѣдительность.

Столь же гипотетичнымъ и неподтвержденнымъ фактами кажется намъ отрицаніе г. Рѣзановымъ невозможности непосредственной обработки піитики 1686—1687 г. по Понтану и предположеніе обязательнаго польско-іезуитскаго промежуточнаго звена. Неужели въ Кіевѣ конца XVII в. профессора коллегіи не знали латинскаго языка настолько, чтобы понимать немудрую латынь Понтана? Почти цѣлый вѣкъ латино-іезуитской науки, царившей въ Кіевѣ, говоритъ противъ предположенія проф. Рѣзанова (стр. 10). Но какъ получилось утвержденіе нашего автора о знакомствѣ кіевскихъ ученыхъ съ Понтаномъ и др. только изъ третьихъ рукъ? Этотъ любопытный методологическій пріемъ можно прослѣдить по его книгѣ: сначала послѣ извлеченій изъ отдѣльныхъ піитикъ это мнѣніе высказывается осторожно („вѣроятно“, „можетъ быть“), а на стр. 52-й многочисленныя „вѣроятно“ превращаются уже въ опредѣленное категорическое утвержденіе. Впрочемъ, непосредственнаго знакомства съ гуманистической литературой Θ. Прокоповича авторъ изслѣдованія не отвергаетъ.

Чтобы покончить съ замѣчаніями о первой главѣ, обратимъ вниманіе на одинъ недосмотръ автора: говоря о понятіяхъ москвичей о драмѣ въ началѣ XVIII в. и о яко бы московскомъ курсѣ Исаакія Хмарнаго (кіевлянина) 1727—1728 г. (стр. 47—58), авторъ долженъ былъ бы знать, что 1) еще въ 1720 году въ Москвѣ вышла книга „Полидора Виргилія Урбинскаго осемь книгъ о изобрѣтателяхъ вещей“, въ которой имѣется характеристика трагедій и комедій, а также

діалога, о чѣмъ подробнѣе см. въ нашей статьѣ „Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра“, 1907 г. (Изв. отд. р. яз. и слов. и отд., стр. 12—15), а немногимъ позже, въ 1733 г. въ „Примѣчаніяхъ на Вѣдомости“ явилась статья о театрѣ, основанная скорѣе на іезуитскихъ теоретическихъ руководствахъ, чѣмъ на теоріи Буало (*ibid.*, стр. 15—27); 2) іезуиты еще въ 1700-хъ годахъ, если вѣрить ихъ „Донесеніямъ“, опубликованнымъ С.-Петербургскою Императорскою археографическою комиссіею въ 1904 году, давали и въ Петербургѣ и, видимо, въ Москвѣ свои представленія, о чѣмъ г. Рѣзановъ могъ также узнать и изъ моей статьи (Записки наук. товар. ім. Шевченка, 1906 г.). Исторіку іезуитскаго театра слѣдовало бы внимательнѣе отнестись къ дѣятельности іезуитовъ.

Переходимъ ко второй главѣ диссертациі проф. Рѣзанова. Здѣсь, конечно, говоря о началѣ сценическихъ представленій въ Южной Руси, умѣстно было бы начать съ упоминанія о старшемъ свидѣтельствѣ—Іоанна Вишенскаго о томъ, что во Львовской братской школѣ въ концѣ XVI—началѣ XVII в. устраивались, по іезуитскому обычаю, спектакли: ...„А тежъ не вижу иншихъ, толко простою наукою нашего благочестія воспитавшіеся, тые и подвигъ церковный носятъ и отправуютъ; а латинскихъ басней ученицы, зовемыє казнодѣи, трудитися въ церкви не хочютъ, токмо комедіи строятъ и играютъ“ (Арх. Ю. и З. Росс. I, VII, стр. 23); между прочимъ эта цитата приводится въ трудѣ проф. Харламповича о западно-русскихъ школахъ (Казань, 1898, стр. 473), по другому случаю цитируемомъ г. Рѣзановымъ. Не обращаетъ должнаго вниманія нашъ авторъ и на діалоги П. Беринды 1616 г. и Кассіана Саковича и др., свидѣтельствующіе о развитіи этого рода литературы въ школахъ южной Руси еще въ первой четверти XVII в.

Обращаясь къ анализу пьесъ рождественскаго цикла (стр. 56 и сл.), проф. Рѣзановъ начинаетъ рѣчь издалека, съ средневѣковыхъ католическихъ діалоговъ и идетъ далѣе, извлекая для объясненія украинскихъ рождественскихъ пьесъ почти цѣликомъ латинскія, французскія и нѣмецкія пьесы, иногда неимѣющія непосредственнаго текстуальнаго отношенія къ тексту украинскихъ пьесъ, пользуясь существованіемъ изданій Jubinal'a, P. de-Julleville'a, Mohnе, Weinhold'a. Взамѣнъ краткаго указанія, что въ пьесѣ Иродъ убиваетъ себя, чего въ украинскихъ пьесахъ нѣтъ (замѣтимъ это)—нашъ авторъ пересказываетъ цѣлую пьесу, обременяя книгу извлеченіями.

Однако тамъ, гдѣ порою слѣдовало бы привлечь новыя данныя и

обслѣдовать невыясненные вопросы—онъ предпочитаетъ обходить ихъ молчаніемъ; иначе трудно объяснить нѣкоторые странные пробѣлы въ главѣ о Рождественскихъ пьесахъ. Нельзя думать, чтобы проф. Рѣзановъ не зналъ о соотношеніяхъ со школьной драмой польской szorki, бѣлорусской бетлейки, украинскаго вертепа, о которыхъ писано было довольно много проф. Петровымъ, Житецкимъ, Франкомъ, мною и др. Тѣмъ болѣе осязательно чувствуется отсутствіе сравнительно-историческаго анализа вертепной драмы, что съ богатой фактами рецензій проф. Поливки („Česki Lid“) на мой „Кукольный театръ на Руси“ 1895 г., въ которомъ сведено все написанное до того времени о вертепѣ,—накопилось вновь много и фактическаго матеріала и новыхъ гипотезъ. На стр. 87 и сл. г. Рѣзановъ черпаетъ plena manu изъ трудовъ Виндакевича (именуя его почему-то „Виндакѣвичемъ“), Brückner'a, Хоментовскаго и др. и повторяетъ ихъ ошибку, совершенно игнорируя pastoralki и kołędy, живущія въ народѣ и до сего дня, распространенныя въ массѣ изданій заграничныхъ, Виленскихъ, Ченстоховскихъ и др.; печатаемыя въ этихъ сборникахъ незатѣйливыя сцены пастырей несомнѣнно стоятъ въ генетической связи съ школьной драмой, отражая не только мистериальный типъ представленія: самъ г. Рѣзановъ не считаетъ бесѣды пастуховъ ни въ западно-европейской драмѣ, ни въ пьесѣ Димитрія Ростовскаго за интермедію, а считаетъ ее органическою частью дѣйства. Естественно, логически слѣдуетъ, онъ не могъ оставлять безъ разсмотрѣнія украинскихъ и польскихъ діалоговъ пастырей, тѣмъ болѣе, что пересказываетъ подробно образцы нѣмецкихъ народныхъ Hirtenspiel'ей... Добавимъ кстати указаніе еще на одинъ текстъ рождественской драмы, оставшійся неизвѣстнымъ г. Рѣзанову: Willems, Ein Dreikönigspiel, Belgisches Museum, 1838, 2.

О діалогахъ вообще авторъ диссертациі говоритъ не разъ: его замѣчанія объ этомъ жанрѣ іезуитскихъ и средневѣковыхъ пьесъ разбросаны по обѣимъ частямъ его диссертациі, но нигдѣ не сведены воедино. Въ разбираемой второй части нельзя было обминуть декламациі на Рождество Христово, польскихъ и старыхъ украинскихъ, а также и московскихъ—Луки Голосова и учениковъ славяно-греко-латинской академіи, которую г. Рѣзановъ упорно именуетъ уже съ начала XVIII в., „Московской духовной академіей“. Умѣстно было бы привлечь и новый матеріаль, напримѣръ „Розмову о смерти челоуѣка съ ангеломъ“, рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря № 495 (1660) XVIII в. и „Споръ души съ тѣломъ“ свящ. Некрашевича, изданный нами (Изслѣдованія, т. III, ч. 2)—едва-ли не послѣдній этапъ развитія діалога

на украинской почвѣ. Не задается вопросомъ нашъ авторъ и относительно того, что ранѣе явилось въ Южной Руси—діалогъ или драма мистериальнаго театра.

Соглашаясь съ тѣмъ, что св. Димитрій Ростовскій въ „Комедіи на Рождество Христово“ „обнаружилъ образованный и утонченный (конечно, съ точки зрѣнія эстетическихъ понятій той эпохи) вкусъ“ (Рѣзановъ, стр. 113), мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что въ названной пьесѣ наблюдается такое же отношеніе между основнымъ сюжетомъ и аллегорическою частью, какъ въ іезуитскихъ пьесахъ съ „балетомъ“: въ пьесѣ св. Димитрія Ростовскаго ни о какихъ мимическихъ сценахъ нѣтъ и рѣчи, а воплиѣ обычно контаминируются и идутъ параллельно два дѣйствія, что не воплиѣ подходитъ подѣ понятіе „балета“ (см. соотвѣтствующія извлеченія изъ пѣтикъ въ „Экскурсѣ“). Къ тому же — пьеса св. Димитрія Ростовскаго не имѣетъ никакихъ текстуальныхъ совпаденій съ западно-европейскими параллелями, приводимыми авторомъ изслѣдованія.

Переходимъ къ *третьей* главѣ диссертации, заключающей въ себѣ анализъ Пасхальныхъ драмъ. Хотя авторъ и здѣсь обнаруживаетъ нѣкоторое отсутствіе равномѣрности въ изложеніи фактовъ, подборѣ и освѣщеніи ихъ (напр., мистерія Арн. Гребана излагается подробно, а о „гораздо болѣе популярной“ мистеріи Мишеля—всего 5 строкъ); или—авторъ считаетъ необходимымъ привести весь планъ извѣстной только въ программѣ пьесы каноника Peterweil'a; хотя при анализѣ кievскихъ драмъ совершенно игнорируетъ хронологическіе вопросы (стр. 182 и сл.)—что для эволюціониста вещь недопустимая; хотя, наконецъ, ни словомъ не упоминаетъ о діалогѣхъ свящ. І. Волковича „Вѣрше съ трагедіе Гр. Богослова во святой великій пятокъ и на день Воскресенія Христова“ 1630 г. и „Размышленіе о муцѣ Христовой“ 1631 г. (между тѣмъ, первой пьесы извѣстно 3 экз. — библ. Тихонр. и Львовскія бібліотеки), отчасти изданныхъ Франкомъ (Пам. укр. літ. і мови, т. II)—все же нельзя не признать, что эта глава о Пасхальныхъ драмахъ является лучшею и болѣе обработанною частью диссертации г. Рѣзанова. Анализъ украинскихъ Пасхальныхъ драмъ XVII—XVIII вв. въ связи съ данными іезуитскаго театра безспорно устанавливаетъ и идейную и текстуальную зависимость украинскихъ пьесъ 1) отъ европейскихъ мистерій и 2) отъ іезуитской школьной драмы. Кромѣ того въ этой главѣ интересны, цѣнны и новы сближенія, доказывающія зависимость болѣе позднихъ Кіевскихъ драмъ отъ ихъ Кіевскихъ же предшественницъ, при чемъ отчасти вскрывается са-

мый процессъ созданія новыхъ пьесъ кievскими драматургами XVIII в. на основаніи старыхъ образцовъ, данныхъ ихъ старшими товарищами по школѣ.

Еще одно замѣчаніе относительно третьей главы, къ стр. 254: едва-ли 1-е явленіе „Властотворнаго Образа“ Довгалеваго есть то, о чемъ говорить Ф. Лангъ—онъ имѣлъ въ виду, вѣрнѣе всего, такіе діалоги, какіе остались отъ П. Беринды, К. Транквилліона и т. п. и въ родѣ изданныхъ мною Львовскихъ діалоговъ на Пасху.

Четвертая глава, трактующая о драматическихъ обработкахъ библейскихъ и историческихъ сюжетовъ, на нашъ взглядъ, представляетъ собою нѣчто эскизное: кое о чемъ—слишкомъ много, кое о чемъ—слишкомъ мало и бѣгло говоритъ нашъ авторъ; къ инымъ сюжетамъ обращается дважды, кое о чемъ—совсѣмъ не упоминаетъ, именно о рядѣ пьесъ свѣтскаго содержанія, сложившихся подъ вліяніемъ теоріи и практики школьной драмы, и что особенно интересно—не на Украинѣ, а въ Россіи. Разумѣемъ пьесы псевдо-историческаго содержанія, опубликованныя мною, г. Георгіевскимъ и др. Если г. Рѣзановъ послѣ сравнительнаго анализа причисляетъ къ типу, выработанному оо. іезуитами, драму о Кирѣ и Томирѣ (изд. Морозовымъ), то почему онъ оставляетъ въ сторонѣ пьесы о Калеандрѣ, Ливеріи, Фельдегмерѣ и Фониладѣ, Фарсонѣ? Вѣдь въ этихъ пьесахъ мы наблюдаемъ присутствіе всѣхъ элементовъ школьнаго дѣйства, поскольку можно было ихъ сохранить въ пьесѣ свѣтскаго содержанія.

Намъ неясно также, почему авторъ въ этой главѣ говоритъ о пьесѣ Симеона Полоцкаго о Навуходносорѣ (стр. 298), если ему совершенно нечего о ней сказать; да и пьеса эта вовсе не типична настолько, чтобы ее можно было приурочить къ категоріи іезуитскихъ произведеній. Нѣсколько смѣло утверждаетъ г. Рѣзановъ, что пьеса о воцареніи Кира (стр. 326) „идетъ по стопамъ I. Циглера и Г. Закса“—разъ, непосредственная зависимость и фактическое знакомство автора-анонима съ произведеніями названныхъ авторовъ не доказано; да и самъ г. Рѣзановъ страницей далѣе отрицаетъ это знакомство. Вообще же, относительно изслѣдованія пьесъ на историческіе сюжеты мы можемъ высказать пожеланіе: слѣдовало бы разсѣять предварительно сомнѣніе, вполне естественное, не съ переводными-ли пьесами мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ? А это вопросъ пока нерѣшенный.

Считаемъ нелишнимъ остановиться еще на нѣкоторыхъ мѣстахъ почтеннаго труда проф. Рѣзанова, вызывающихъ сомнѣнія и пожела-

нія большей обстоятельности изслѣдованія. Таковы мѣста диссертации, гдѣ авторъ ея пробуетъ указать источники, легшіе въ основу отдѣльных эпизодовъ старинныхъ пьесъ украинскаго школьнаго театра. Въ цѣломъ—онѣ, болѣе или менѣе послѣдовательно, построены по плану либо мистерій, либо іезуитскихъ дѣйствъ. Но полнаго совпаденія мы ни разу не наблюдаемъ. Тѣмъ цѣннѣе были бы совпаденія въ деталяхъ, въ отдѣльных эпизодахъ. Но здѣсь, при анализѣ деталей чувствуется торопливость автора, не позволяющая ему иногда—воспользоваться его же собственнымъ матеріаломъ. Напримѣръ, приводя изъ области западно-европейской драмы много такого, что совершенно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ комментируемымъ имъ украинскимъ пьесамъ XVIII в., проф. Рѣзановъ упускаетъ изъ виду сходныя черты, напримѣръ, въ 1-й пьесѣ Маргариты Наваррской: принесеніе пастухами подарковъ новорожденному Христу—мѣсто, обычное не только въ школьной украинской драмѣ, но и въ вертепѣ, въ діалогахъ пастырей, польскихъ и русскихъ, наконецъ въ рождественскихъ виршахъ и колендахъ. Откуда эта подробность—принесеніе разнообразныхъ приношеній? Въ одной изъ моихъ послѣднихъ работъ, опубликованной, однако, года два тому назадъ, мною предложена, какъ мнѣ кажется, правдоподобная гипотеза для объясненія этого момента виршъ и рождественскихъ пьесъ: вліяніе иконографіи Рождества Христова, по аналогіи съ другими случаями вліянія этой причины, указанными Petit de Jullevill'емъ (*Les Mystères*). Г. Рѣзановъ не принимаетъ, но и не отрицаетъ моей гипотезы: онъ просто не знаетъ о ней.

На стр. 106 авторъ выводитъ образъ плачущей Земли, какъ будто изъ духовнаго стиха: но этотъ стихъ, мѣсто польской драмы и образъ „плачущей Земли“ въ Комедіи св. Димитрія Ростовскаго—не имѣютъ никакого генетическаго отношенія къ западно-европейскому театру: онъ скорѣе восходитъ къ чрезвычайно популярному и на Западѣ и у насъ „Видѣнію Павла“, именно къ той его части, которая вошла въ сборникъ поученій „Измарагдъ“ весьма популярный въ XV—XVIII в. Паденіе статуи Аполлона—также едва ли было заимствовано изъ области европейской драмы нашими духовными драматургами; въ этомъ не было никакой надобности, ибо былъ болѣе простой и близкій путь: въ славянской письменности еще съ XII в. было извѣстно и популярно „Сказаніе Афродитіана о чудѣ въ перской землѣ“; съ конца XIV в. — „Прореченіе въ кумирницѣ Аполлона“, затѣмъ тамъ же эпизодъ—въ апокрифическихъ евангеліяхъ, разрабатывающихъ детали

Рождества Христова; наконецъ о „падении рукотворенныхъ египетскихъ“ говоритъ прор. Исаія (XIX, 1—2) и др.

Говоря о драмѣ Страстей (стр. 135) и излагая пьесу Арн. Гребана, слѣдовало бы указать ея источникъ,—Никодимово Евангеліе, и справиться, не къ этому ли *общему* источнику съ мистеріей восходятъ сюжетъ и детали украинской драмы. Это было тѣмъ проще и легче сдѣлать, что и самъ г. Рѣзановъ (стр. 151), вслѣдъ за г. Виндакевичемъ, указываетъ на этотъ источникъ, послужившій польскому драматургу; Mik. z Wilkowiecka; источникъ этотъ былъ хорошо извѣстенъ въ Южной Руси въ спискахъ XVI—XVII вв. и легъ въ основаніи религиозно-назидательнаго сочиненія „Страсти“, много разъ списаннаго и печатаннаго въ XVIII в. Къ тому же, добавлю, и мною при анализѣ „Властотворнаго Образа“ давно уже были даны указанія на этотъ источникъ (Ежег. Имп. Т., сезонъ 1897—1898, прил., кн. I, стр. 56). Если авторъ диссертациі не согласенъ съ моимъ объясненіемъ, ничто не мѣшало ему высказать это. Къ тому же Никод. Ев., точнѣе—къ слову псевдо-Евсевія на сошествіе І. Предтечи во адъ (*Migne. Patrol. curs. compl., Ser. graeca, t. 86 pars I, и масса русскихъ списковъ*)—восходитъ, безъ сомнѣнія, и образъ ц. Давида, прославляющаго Христа по воскресеніи Его, за исполненныя пророчества Псалмопѣвца. Для происхожденія этой фигуры украинскаго школьнаго дѣйства, намъ кажется, — вовсе нѣтъ надобности предполагать заимствованія изъ западно-европейской драмы: она могла быть скорѣе подсказана украинскому драматургу Словомъ псевдо-Евсевія, подвергавшимся передѣлкамъ и переводамъ (см. Учительное Евангеліе Екатеринославск. музея им. Поля, 1592 г. и др. рукописи этого рода Народн. Дома во Львовѣ).

Вообще, нельзя не упомянуть, параллели изъ области старинной славянорусской литературы, приводимыя въ комментаріи къ украинскимъ пьесамъ, нѣсколько случайны; напримѣръ, о поклоненіи Сатанайломъ Адаму (стр. 191) цитируется описаніе рукописей Бычкова, а не извѣстные тексты (Тихонравова, Франка и др.), тогда какъ нѣсколько далѣе, стр. 201, по поводу плача Адама—авторъ цитируетъ Тихонравова... Нѣсколько ниже (стр. 225—231) проф. Рѣзановъ комментируетъ слова Ада въ „Торжествѣ естества Человѣческаго“ и за цитатами изъ далекихъ отъ старой Украины французскихъ и и нѣмецкихъ пьесъ не замѣчаетъ совпаденій съ словомъ псевдо-Евсевія; а „Слово о збуреніи пекла“ — почти цѣликомъ воспроизводитъ этотъ памятникъ и при томъ, какъ мнѣ кажется, безъ посред-

ства иезуитской драмы, но, можетъ быть, только въ ея стилѣ. Комментируемый на стр. 247, Плачь Богородицы въ пьесѣ Сильвестра Ляскоронскаго 1729 г. (д. III, явл. 3) также едва ли обязанъ своимъ содержаніемъ, да и формою — западно-европейскимъ литературнымъ образцамъ: въ старой письменности извѣстенъ былъ такой же „плачь“ С. Метафраста, прекрасно использованный Кирилломъ Туровскимъ и Кирилломъ Транквиллиономъ въ его Учительномъ Евангелии. На стр. 98—99 проф. Рѣзановъ совершенно ошибочно считаетъ оригиналомъ польской рождественской пѣсни „Aniół pasterzom mówić“— нѣмецкій текстъ „Es kam ein Engel hell und klar“: не говоря уже о значительныхъ стилистическихъ различіяхъ, оба гимна, и польскій и нѣмецкій, восходятъ, конечно, къ латинскому средневѣковому „Angelus pastoribus dixit vigilantibus“, помѣщавшемуся неоднократно на страницахъ рукописныхъ и старопечатныхъ польскихъ канціоналовъ рядомъ съ польскимъ текстомъ (см. мои Исслѣдованія и матер., I, стр. 169; *Bobowski*, *Pieśni polskie katolickie od najdawniejszych czasów*, str. 309 и др.). Тема—„желаніе крыльевъ“—обычна не только въ школьной драмѣ, но и въ рядѣ другихъ произведеній старинной малорусской литературы (см. мои Исслѣдов., т. I и Очерки по ист. стиля, I).

Авторъ изслѣдованія, какъ сказано нами въ началѣ статьи, располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ имъ и изъ печатныхъ и изъ рукописныхъ источниковъ. Какъ онъ пользуется этимъ матеріаломъ, что извлекаетъ изъ него? Возьмемъ, на примѣръ, рукоп. Имп. Публ. Библ. *польск.* О. XIV, № 12, изъ которой предлагаются извлечения на стр. 91—94: предлагается краткій пересказъ пьесы и выписываются нѣсколько стиховъ изъ пролога и другихъ мѣстъ. Затѣмъ г. Рѣзановъ совершенно обходитъ молчаніемъ то обстоятельство, что кромѣ этого „Dialogus pro Nativitate nostri Jesu Christi“— въ сборникѣ имѣются: отрывокъ (л. 1—7) драмы объ Иоаннѣ Крестителѣ, той же литературной манеры, а въ концѣ — начало *второй* Рождественской драмы на польскомъ же языкѣ. „Dialogus“, занимающій лл. 7—29 об., обилень деталями, роднящими его съ украинскою драмой и совершенно исчезающими въ пересказѣ проф. Рѣзанова. Такъ въ прологѣ читаемъ:

(л. 7) „Jako więc po okropneŷ a carnaweŷ noczŷ
Rozwiiając sie z swiatłem iutrzenka wŷskoczŷ;
Albo iak iasnŷ Tytan z gęstochmurnych cieniow.
Dobywa więc po deszczu z obłokow promięniow,

J pogląda ¹⁾ weszolo na gory, na lasy,
Weszole, mowie, ziemy bywaią te w czasŷ.
Weszole, mowie, oraz, weszole nastaly
Ludziom się troie słońca oraz ukazały,
Ludziom, ktorzŷ w ciemnościach stękali okrutnŷch,
Ludziom, ktorzŷ mieskali w lochach grzechow smutnych, ||
(7 об.) Jasny dzień przynosząca iutrzenka nastala,
A oraz ŷ wesołe słonecko nam dała.
Ktore wiary promiēniem ma nim swiecie wiecznie,
Ktore nasz ma oswiecić w ciemnościach koniecznie.
Raduycie sie wy wszŷscŷ, ktorzy pod ziemią mieszkacie...“

Этотъ прологъ стоить въ тѣсной связи не только съ украинскими Рождественскими, но и съ Пасхальными декламаціями, напримѣръ, съ изданными мною въ статьяхъ „Къ исторіи польск. и р. нар. театра“.

Въ дальнѣйшемъ—характерны реалистическія подробности, чуждыя украинскимъ Рождественскимъ школьнымъ дѣйствамъ: жалобы Іосифа „Zbiegałem wszystkie miasto, szukając gospody...“ (л. 9) и „O czemus, miły Boże tak długo staremu | cierpisz żywot a nie das umrzec strapióncemu...“ (л. 11). Для характеристики манеры іезуитскихъ драматурговъ выводить вѣстниковъ, глашатаевъ — полезно было бы привести рѣчь глашатая въ началѣ III акта (л. 11 об. *Præco clamat. Pisarz Cyrynus, chłopiec ziemianin, chłop, Jozephus cum Maria*). „Præco clamat:

„Rzymscy panowie mieszczenie,
Rzemieslniczŷ ŷ ziemianie,
Poddani panstwa Rzymskiego,
Ludzie stanu wszelakiego.
Zebyscie raczyli wiedziec,
Czo wā mam powiedziec.
Pilnie proszę posłuchaćcie.
A drugim opowiedaicie.
Augusta cara moznego,
Czesarza oswieconego
Jz iego Panŷ radnemi,
Szenatarami Rzymskiemi
Bogom swŷm dziękuiąc zato,
Ze iuz przez dwanasté lato
Sprawuie Panstwo v pokoiu,
Nie czuiąc zadnego boiu. ||
(л. 12) Zadney sie nie boi stronŷ,
Niechcąc woyska ŷ obrony.

¹⁾ Въ рук. „podlega“; въ цитатахъ сохраняемъ орфографію рукописи.

A tak na rok terazniejszy
Wydaie dekret niniejszy
Na wse swiata prowinciiie,
Krolewstw swych dieceziie,
By wszytkie porachowano
A potym pospizowano“...

За симъ онъ приглашаетъ писаря, велить всѣхъ переписать и
взимать „po groszu od kazdy głowy“. Писарь Сургунус приступаетъ
къ дѣлу. Картина записи—также любопытно представлена: является,
напримѣръ, ziemianin — „służba moja y pokłon panu Сургунowi“ и
такъ просить записать его (л. 12 об.):

„Szlacheic urodzony iestem z Rzymskiej religiey.
Napisz mnie wñ naprzod ze dwiema synami,
A w domu iest samotrzeć zonka z coreckami;
Czeladzi tez dwanascie w domu swym sprawuie,
Od ktorych takze pobor głowy odprawuie
Od iednego po groszu iako roskazano“...

Характеренъ и вѣренъ въ бытовомъ отношеніи разговоръ ziemianin'a
съ хлопомъ.

Четвертый актъ открывается бесѣдою пастуховъ. Напрасно проф. Рѣ-
зановъ не привелъ этой сцены полностью: она характерна и небез-
полезна для объясненія бесѣды пастырей у св. Димитрія; бесѣдуютъ
Mascibrzuch, Nierobot, Drzemała, наконецъ—Angeli duo:

Mascibrzuch:

„Czuiies Nierobocie miły,
Jak sie kozy potworzyły,
Kozioł az wstaie na nogi,
Baran włożył ku drzwiem(?) rogi.
Czy lichotnika zeyzrały
Jze się tak polekały.
Biele (?) czy spiz, czy zartuiesz—
Mego wołania nie czuisz“ ||

Drzewom stojam

(15 об.). Никто ему не отвѣчаетъ. Mascibrzuch сердится:

„Nierobot, czy u tobie zła niemoc,
Spisz twardo prawie całą noc...“

Постепенно пастухи поднимаются; Nierobot: „Coś się stało, Masci-
brzuchu?“ Mascibrzuch:

„Jam cię trącił po kozuchu.
Obudz y tego Drzemałę,
Boc wygniecie brzuchem skałę
Zmacały go kłiem po brzuchu.“

„Drzemala sie porwie ze snu. Nierobot do niego mowi“:

Wstawaj, leniwy zly duchu.
Spisz iak byc zlepiat oczy
A iam ani mzał (uirzał?) tey noczy.
Drzemala.
Co iest mci braciskowie,
Sa li przy oborach kozlowie?

Послѣ краткаго спора—прислушиваются къ пѣнію ангеловъ; сначала пугаются, и тутъ „angeli accedent duo... cantantes „gloria summo Deo in excelsis et pax“... Напуганный Mascibrzuch предлагаетъ: „Uciekaj kedy kto moze“, зоветъ Nierobota, тотъ откликается: „Uwiazłem do kolan w błocie“. Слѣдуютъ успокоительныя рѣчи ангеловъ, пастухи идутъ съ дарами къ Христу. Mascibrzuch предлагаетъ меду, поклоняются Младенцу; спорять, ангель мирить ихъ, они молятся. Эта сцена—если не непосредственный, то, во всякомъ случаѣ—одинъ изъ отдаленныхъ этаповъ развитія живущихъ и доселѣ діалоговъ пастырей, въ которыхъ выступаютъ: Maciek, Stach, Walek и Bartos (напр. см. *Pastorałki i Kolędy, Częstochowa, 1895 г., стр. 3—16*). Въ пьесѣ „*Pastorałka góralska*“ (въ томъ же изданіи стр. 18—50) встрѣчаемъ даже стараго знакомаго — Mascibrzucha, Kube, Furgoła, Cedzimleka, ангела и пр., даже имѣется на лицо *прологъ*, предшествующій пьесѣ. Для объясненія сцены пастырей въ пьесѣ св. Димитрія Ростовскаго проф. Рѣзанову слѣдовало бы привлечь и украинскіе и польскіе діалоги этого рода. Пятый актъ діалога развиваетъ эпизодъ пришествія и поклоненія волхвовъ. Для объясненія этого эпизода—не выписываемъ его, въ виду обширныхъ размѣровъ—также было бы полезно сравнить его съ украинскими обработками, а не ограничиваться перечисленіемъ отдѣльных моментовъ. Кстати, по поводу цитируемыхъ проф. Рѣзановымъ пьесъ изъ польскихъ рукописей: онъ не заботится установить хронологию своего матеріала, не обозначаетъ датъ, кромѣ тѣхъ, которыя выражены въ точныхъ цифрахъ. Приводя извлеченія, необходимо было бы датировать, хотя бы приблизительно (на основаніи почерка, бумаги, орографіи) цитируемыя рукописи, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр., относительно рук. Q. XIV, № 12—заключается главная трудность въ датировкѣ: эта рук. или конца XVII в. или полов. XVIII в.; если послѣднее справедливо, діалогъ не можетъ имѣть никакого значенія для исторіи украинской драмы, изучаемаго проф. Рѣзановымъ періода. Нѣсколько свободное отношеніе къ хронологіи наблюдаемъ и въ другомъ мѣстѣ (стр. 195): привлекая къ сравненію

списокъ Paradeisspiel'a по рукописи 1847 г., необходимо доказать, что, несмотря на поздній списокъ — самый памятникъ не новѣе конца XVII в.; въ противномъ случаѣ цѣна его для объясненія украинскихъ пьесъ XVII—XVIII в. ничтожна.

Исчерпаль ли проф. Рѣзановъ также весь русскій матеріалъ, имѣющій отношеніе къ его темѣ? Мы уже упоминали о томъ, что авторъ нашъ ставитъ себѣ главною цѣлью дать комментарий къ *изданнымъ имъ* текстамъ; но освобождаетъ ли это его отъ привлеченія другого матеріала, особенно если этотъ матеріалъ можетъ подтвердить его гипотезу о зависимости старинной украинской драмы отъ театра іезуитовъ? Думается, что нѣтъ. Но и помимо текстовъ, уже извѣстныхъ по описаніямъ, слѣдовало бы проф. Рѣзанову, не замыкаясь въ кругъ пьесъ, принадлежащихъ Нѣжинской бібліотекѣ, поискать матеріала въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь могли бы сослужить проф. Рѣзанову полезную службу нѣкоторыя рукописи кievскихъ бібліотекъ, на примѣръ, № 446 Кіевского центрального архива древнихъ актовъ, гдѣ въ сборникѣ реторикъ и піитикъ 1730-хъ годовъ (препод. въ Кіевѣ, Черниговѣ, Харьковѣ) сохранилась весьма любопытная пьеса о царѣ Ахавѣ и прор. Іліи, состоящая изъ 6 сценъ съ кантами, — построенная по тому же типу, какъ и пьесы Довгалева, хорошо спланированная въ выдержанномъ стилѣ. Не распространяемся о ней здѣсь: она печатается нами въ другомъ мѣстѣ. Обратимся лучше къ тому источнику, который былъ у проф. Рѣзанова подъ руками, на который онъ ссылается, изъ котораго черпаетъ матеріалъ для изданія текстовъ — и здѣсь, къ сожалѣнію, убѣдимся, что проф. Рѣзановъ пользуется источниками слишкомъ, на нашъ взглядъ, бѣгло. Изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки *Польск.* XIV, Q, № 12, какъ мы видѣли, онъ беретъ лишь центральную пьесу, оставляя безъ разсмотрѣнія два довольно крупныхъ отрывка; то же наблюдаемъ и въ отношеніи къ рукописи 1741 г., принадлежащей проф. А. М. Лободѣ: нашъ авторъ, имѣя её въ рукахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ для изданія и изученія „Стефанотокоса“, — не далъ себѣ труда заглянуть въ начало рукописи, на л. 51, гдѣ онъ могъ бы почерпнуть небезполезную для него подробность. Именно, на стр. 64 и 63 своей диссертации онъ указываетъ двѣ французскія пьесы на Рождество Христово съ характерною, неизвѣстною другимъ пьесамъ подробностью: — Иродъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Въ старыхъ польскихъ и украинскихъ пьесахъ мы какъ будто не встрѣчаемъ повторенія этого мотива, но это только — „какъ будто“: въ рукописи проф. Лободы, л. 51

читаемъ важный для выясненія этого вопроса отрывокъ: ... „Nos carmen echonicum etiam idiomate rutheno optime componi potest, ut habetur de *Herode, qui se ipsum interfecit*:

„Болѣзни днесь мнѣ срѣце лють ѡзвѣили,
се и любимы дрѣзи ѡже ѡстѣнили,
—ибо ѡзмѣнили!

Излїяхъ неповиннѣ, излїяхъ кровь многѣ,
озлобїхъ богатїю дїиѣ и ѡбогѣ;
—сїя зоветь къ Бгѣ!

Хотя малѣ даждь помощь, Ормиздѣ любезный,
ѡтѣши мя бѣнаго вїдїа чась мой слезный,
—ѡже безьполезный!

Между цѣми быхъ славный и междѣ владыги,
плясахъ вчера веселясь съ тимпаны и лїки,
—а днесь плачь великій!

Мечемъ ѡбѣ пробостись предежить мнѣ дѣлѣ,
да пропадеть такоде дїа гдѣ¹⁾ и тѣло;
—градый во ад смѣлѣ!

Этотъ *предсмертный монологъ* Ирода даетъ намъ понятїе о пьесѣ и позволяетъ провести еще одну нить, связывающую драму европейскую и малорусскую.

Обращаюсь въ заключенїе къ нѣкоторымъ подробностямъ, характеризующимъ работу проф. Рѣзанова, какъ весьма торопливую и поспѣшную: онъ иногда проходитъ мимо неизбѣжнаго вывода; такъ отмѣчая, что пїитика „Самоена“ 1689—1690 года не знаетъ *catastasis*^а и антипролога (принимаемаго Скалигеромъ и Понтаномъ), нашъ авторъ (стр. 12) не дѣлаетъ естественнаго вывода о болѣшей близости пїитикъ къ гуманистическимъ теоретикамъ драмы, шедшимъ за Аристотелемъ, незнавшимъ *catastasis*^а,—чѣмъ къ іезуитскимъ руководствамъ этого рода; сравнимъ еще пїитику „Amphion“, которая въ вопросѣ о числѣ актовъ идетъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Скалигера и Понтана, лишь отчасти соприкасаясь съ Масеномъ.

Иногда нашъ авторъ, наоборотъ, ограничивается лишь произнесенїемъ мнѣнїя, не приводя доказательства; такъ, извлекая все, относящееся къ теорїи драмы изъ пїитики „Fons Castalius“ 1685 г., г. Рѣзановъ добавляетъ (стр. 8): „очевидно у составителя курса „F. C.“ былъ подь рукой или въ памяти гораздо болѣе обстоятельный трактатъ о драматической поэзїи, но онъ извлекъ изъ него весьма не многое“—предположенїе, авторомъ не доказанное и для насъ совер-

¹⁾ Въ рукоп. „идѣ“.

шенно необъдательное. Нѣчто подобное мы видѣли выше, когда констатировали, какъ изъ нѣсколькихъ гипотетическихъ предпосылокъ получается у нашего автора категорическій утвердительный выводъ.

Нѣсколько своеобразно понимаетъ и употребляетъ проф. Рѣзановъ терминъ „анализъ“ (Экск., стр. 343 и др.): этимъ словомъ онъ обозначаетъ лишь краткую программу пьесы, ея схему или сценарій. Такое значеніе этого термина, принятое, правда, P. de-Julleville'емъ— въ русской научной литературѣ передается словомъ „пересказъ“, подъ анализомъ же мы обычно разумѣемъ нѣчто болѣе выясняющее генезисъ и характеръ состава пьесы, чѣмъ изложеніе ея содержанія.

Конечно, способъ цитаціи—вещь не такая уже существенная; но и онъ представляетъ нѣкоторый интересъ для характеристики процесса работы автора диссертациі. Напр., г. Рѣзановъ („Экскурсъ“, 366 и passim) довольно часто обращается къ Аристотелю, именно къ его трактату „Περὶ τῆς ποιητικῆς“ и ссылается на главы, но нигдѣ не даетъ точной цитаціи изданія, страницы; а это вещь далеко не безразличная, вслѣдствіе трудности интерпретаціи текста Аристотеля, разнообразнаго пониманія и размѣщенія главъ разными издателями. Сравнивая тексты шитикъ съ трактатомъ Аристотеля, не слѣдовало бы задавать лишней задачи читателю и безъ того громаднаго и нелегко читаемаго труда. Кое гдѣ („Экскурсъ“, 74) попадаются совершенно глухія цитаты, напр., „патеръ Jouvencu говоритъ“...; а гдѣ?—неизвѣстно.

Подводя итоги всеѣмъ детальнымъ замѣчаніямъ нашимъ объ обѣихъ частяхъ диссертациі проф. Рѣзанова, мы не можемъ миновать еще одной подробности. Эрудиція автора безспорно велика; онъ использовалъ труды болѣе чѣмъ 60-ти своихъ предшественниковъ по изслѣдованію средневѣковаго, гуманистическаго и, главнымъ образомъ, іезуитскаго театра, при чемъ знаетъ почти все самое существенное, что явилось въ европейской научной литературѣ за послѣднее десятилѣтіе. Но, безъ сомнѣнія, онъ могъ бы найти кое что полезное для своего изслѣдованія и въ слѣдующихъ трудахъ, о которыхъ въ диссертациі нѣтъ упоминаній, напр., *Sepet*, *Le drame chrétien au moyen âge*, 1878; *Schwartz*, *Esther im deutschen u. neulateinischen Drama des Reformationszeitalters*, Oldenb. 1894; *Ebert*, *Die englischen Mysterien*, *Jahrbuch. f. rom. u. engl. Litt. I. B.*: *Leskien*, *Altkroatische geistliche Schauspiele*, Lpz., 1884; *D'Ancona*, *Sacre rappresentazioni del secolo XIV—XVI*, Firenze, 1872; *de-Douhet*, *Dictionnaire des Mystères*; *du-Méril*, *Origines latines du théâtre moderne*; *Wackernagel*, *Weihnacht-*

spiele; *Birlinger*, Aus Schwaben, II (народная обработка пьесы о 3-х царяхъ XIV в., ср. у *Schröer'a*, цит. у г. Рѣзанова); *P. Kassel*, Weihnachten, 1861; *Delisle*, Les mystères des trois Mages, Romania, XIV, 1—6; *Friedländer*, Comédie von der Geburt des Herrn Christi v. 1589, Berl. 1839; El misterio de los reyes magos, Jahrbüch. f. rom. u. engl. Litt., XII, 1, и др. *O. Francke*, Terenz u. die lateinische Schulkomoedie in Deutschland, Weim. 1877; *H. Max*, Terenz in Deutschland (Mittheil. d. Gesellschaft f. deutsche Erziehungs- und Schulgeschichte, III B.); *K. v. Reinhardtstöttner*, Plautus, Spätere Bearbeitungen plautinischer Lustspiele, Leipz. 1886; на помощь къ статьѣ *Menčík'a* о школьномъ театрѣ въ Чехіи могли быть привлечены *Z. Winter*, O životě na Vysokých Školách Pražských, v Praze, 1899; *F. Dvorský*, První divadelní cedule česka, Světozor, XVI, 1882; *W. Zirovnický*, Slovo o divadle v Praze v XVI století, Květy, XI, 1844; *A. Rezek*, Staročeská tragedie o Masopustu, 1883; *Č. Zibrť*, Staročeské výročné obyčeje; *J. Jirěček*, Staročeské divadelní hry; *L. Blass*, Das Theater und Drama in Böhmen, 1877; *I. Máchal*, O dvou českých komediích biblických z XVI st., Věst. Kr. České Spol. Nauk, 1902; наконецъ *B. Францевъ*, Чешскія драматическія произведенія XVI—XVII ст., Варш. 1903.

Проф. Рѣзановъ очень суровъ и строгъ къ своимъ предшественникамъ; на стр. 52 прим. онъ, впрочемъ, совершенно справедливо указываетъ на мой недосмотръ при опредѣленіи даты и мѣста написанія пѣтики „Vicollis Parnassus“ Императорской Публичной Библиотеки *Разн. Q. XV, № 47*; далѣе, неоднократно отмѣчаетъ промахи заслуженныхъ историковъ стариннаго украинскаго и русскаго театра, ак. Тихонравова, проф. Н. И. Петрова и П. О. Морозова ¹⁾, какъ бы забывая, что безъ трудовъ перваго и втораго — путь самого г. Рѣзанова былъ бы далеко не столь удобопроходимъ, а въ „Исторіи р. театра“ третьяго — намѣчены въ общихъ чертахъ тѣ мысли, доказательству которыхъ посвящены оба тома разбираемой диссертации.

Такимъ образомъ мы неизбежно приходимъ къ тому пожеланію, которое явилось у насъ при чтеніи первыхъ же страницъ почтеннаго труда проф. Рѣзанова: чрезвычайно полезно было бы предположить хотя бы краткій обзоръ литературы предмета и резюмировать

¹⁾ Вообще г. Рѣзановъ очень внимателенъ къ ошибкамъ предшественниковъ, напр. къ *Лилеву*, дисс. стр. 13, прим.; ib. стр. 33—ошибка *Тихонравова*, стр. 34—ошибка *Вишневскаго*, 34 и 97—ошибка *Морозова* и др.; см. еще Экскурсъ, стр. 277, прим. и *passim* — строгость и вниманіе, съ одной стороны заслуживающія полного одобренія.

результаты работъ предшественниковъ. Отъ этого не пострадали бы достоинства труда проф. Рѣзанова, но было бы рельефнѣе видно, что удалось ему сдѣлать, что онъ самъ привнесъ въ изслѣдованіе судебъ стариннаго украинскаго и русскаго театра. Такой библиографическій обзоръ, хотя бы и краткій, придалъ бы и сужденіямъ автора болѣе осторожный видъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы заслуженною данью вниманія со стороны автора тѣмъ, кто впервые проложилъ путь среди рукописнаго и старопечатнаго матеріала, приуготовивши его для того же г. Рѣзанова. Если же этотъ обзоръ могъ бы слишкомъ увеличить и безъ того громадныя размѣры диссертациі, то экономіи мѣста можно было бы достигнуть путемъ сокращенія безконечныхъ выписокъ.

Въ диссертациі г. Рѣзанова мы не находимъ упоминанія о двухъ работахъ В. А. Розова: „Южнорусская драма о св. Екатеринѣ“, Изборникъ Кіевскій, посвящ. Т. Д. Флоринскому, 1904 г. и „Українська шкільна драма „Успеніе Богородицы“, Записки Науков. Товариства в Києві, кн. V, 1909 г., — которыя непосредственно имѣютъ отношеніе къ изучаемой нашимъ ученымъ школьной драмѣ.

Нѣсколько словъ pro domo sua: и мои скромныя работы по исторіи стариннаго польскаго и русскаго театра также не обратили на себя вниманія г. Рѣзанова. Охотно отмѣчая мой недосмотръ, упомянутый выше, проф. Рѣзановъ, описывая сборникъ іезуитскихъ пьесъ И. П. Б. *Разн. Q. XIV, № 10*, забываетъ упомянуть, что первыя свѣдѣнія о немъ въ научной литературѣ даны мною (Къ ист. польск. и рус. театра, гл. VI); что оттуда же мною изданы двѣ интермедіи къ іезуитской пьесѣ „Władysław Jagiełło“; что въ той же серіи матеріаловъ и замѣтокъ мною изданъ діалогъ пастырей, діалогъ странника и др.; что по рукоп. И. П. Б. *Польск. О. XIV, № 12* мною изданъ плачь Рахили (Изслѣд. и матер. т. I, ч. 1), что для исторіи діалога о спорѣ души съ тѣломъ мною также изданы соотвѣтствующіе матеріалы (Изслѣдов. т. III, ч. 2); что о крикѣ и выступленіи дьяволовъ въ школьной драмѣ у меня есть также небольшой этюдъ (Къ ист. польск. и рус. театра); что эпизодъ принесенія даровъ Христу въ Рождественской драмѣ имѣетъ предложенное мною объясненіе изъ иконографіи Рождества Христова (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, 1908); что мною уже въ статьѣ „Изъ начальнаго періода жизни р. театра“ 1907 г. не только даны свѣдѣнія о Тверской пѣтикѣ 1731 г., но приведенъ въ извлеченіи весь отдѣлъ ея о драмѣ; что мною задолго до г. Рѣзанова — еще въ 1898 г. въ Ежег. Импер. Театровъ не только сообщена въ извлеченіи пьеса Довгалева „Властотворный Образъ“, но и ука-

зань ея источникъ (г. Рѣзановъ упоминаетъ лишь о моемъ изданіи интерлюдій къ этой пьесѣ)... Такимъ образомъ, моимъ работамъ по интересующему г. Рѣзанова вопросу обязанъ появленіемъ не только одинъ недосмотръ, отмѣченный имъ на стр. 52, прим., а, смѣю думать, нѣчто большее.

III.

Намъ остается дать картину третьей части диссертациі проф. Рѣзанова, заключающей въ себѣ неизданные тексты пьесъ, частью впервые дѣлающихся извѣстными ученому міру, частью извѣстныхъ ранѣе по другимъ спискамъ. Здѣсь мы находимъ девять пьесъ полностью:

1) Дѣйствіе на Рождество Христово, XVIII в., р. И. Ф. Инст. № 179.

2) Рождественская драма, XVIII в., р. И. Ф. Инст. № 179.

3) Торжество Естества человѣческаго, 1706 г., рук. И. Ф. Инст. № 145.

4) Пасхальная драма, нач. XVIII в., рук. И. Ф. Инст., № 163.

5) Царство Натуры людской, прелестію разоренное, благодатию же Христа паки составленное, 1698 г., рук. Ист. Ф. Инст. № 144.

6) Комическое дѣйствіе въ честь рождшемуся Христу Господу іер. Митрофана Довгалевскаго, 1736 г., рук. Кіево-Мих. мон. № 1710.

7) Властотворній образъ человѣколюбія Божія, іер. Митрофана Довгалевскаго, 1737 г. р. К. Мих. мон. № 1710.

8) Драма о воцареніи Кира, XVIII в., р. И. Ф. Инст. № 179.

9) Стефанотокось по рук. 1741—43 гг. проф. А. М. Лободы.

На десятомъ мѣстѣ находимъ варианты къ нашему изданію драмы о ц. Езекии, извлеченные г. Рѣзановымъ изъ рукописей И. Н. Михайловскаго.

Изданію текстовъ предшествуетъ краткое предисловіе, содержащее свѣдѣнія о рукописяхъ, изъ которыхъ почерпнуты упомянутыя пьесы. Здѣсь же издатель указываетъ и способъ изданія: пьесы „въ предлагаемомъ изданіи воспроизводятся не палеографически, но по возможности близко къ рукописному тексту. По типографскимъ условіямъ (книга печаталась въ г. Нѣжинѣ), немногія встрѣчающіяся въ рукописяхъ титла и сокращенія пришлось раскрыть. Очевидныя описки и искаженія исправлены въ текстѣ или въ выноскахъ, при чемъ однако всякій разъ представлено и буквальное чтеніе рукописи; кое-гдѣ прибавлены въ выноскахъ конъектуры. Поставлены знаки препинанія“ (стр. II).

Эти приемы при изданіи памятникѣ XVIII в. могутъ быть признаны вполне удовлетворительными: воспроизведеніе оригинала славянскимъ шрифтомъ съ надстрочными знаками было бы излишнимъ педантизмомъ, требующимъ затратъ, не оправдывающихся положительными выгодами такого изданія. Мы имѣли возможность провѣрить лишь три пьесы изъ числа изданныхъ въ книгѣ проф. Рѣзанова. Итоги этой провѣрки таковы.

Въ „Комическомъ Дѣйствіи“ М. Довгалевскаго мы нашли очень немало отклоненій отъ рукописнаго чтенія, не оговоренныхъ издателемъ.

Стр. 170,1 — *рук.* разумъ, *изд.* разумъ.

„ 170,26 — *рук.* сѣна, *изд.* сина.

„ „ 31 — *рук.* сѣни, *изд.* сини, тоже 172,7.

„ „ 36 — *рук.* не возможе, *изд.* не возложе, что не даетъ удовлетворительнаго смысла.

„ 171,14 — *рук.* воистинну, *изд.* Воистину.

„ 172,8 — *рук.* царь 3, *изд.* Царь третій.

„ „ 27 — *рук.* тощное, *изд.* тошное, что даетъ иной смыслъ.

„ 173,8 — неправильно прочитано слово, откуда и неправильная интерпункція, дающая иной смыслъ стиху: *рук.* — „Потерпѣмъ мало звѣзди, гдѣ путь свой заставит, тамо...“, *изд.* — „потерпѣмъ мало: звѣзда гдѣ пут свой заставит“...

„ „ 22 — *рук.* ѣнѣ, *изд.* нинѣ.

„ 174,1 — *рук.* „яко кновъ сичевій царь родися“ .., *изд.* — „Яков новъ ...родися“ ..., что, конечно, далеко не одно и то же.

„ 174,9 — *рук.* Явленіе Третье, *изд.* — Явленіе 3-е.

„ 175,23 — *рук.* Вопрѣженніи вси, *изд.* ...всѣ.

„ 179,1 — *рук.* Сей дѣлаче“ ..., *изд.* Сей да вплаче.

„ 181,34 — *рук.* Мир бо с небес..., *изд.* Мирно с небес...

Кое-гдѣ издатель добавляетъ *й* и *э*, гдѣ ихъ нѣтъ въ рукописи, хотя вообще стремится къ возможной точности. Полезно было бы при изданіи текстовъ указать, что кантъ первый, стр. 179 — 181, написанъ самимъ Довгалевскимъ, срв. почеркъ его подписи (мотивъ канта — см. въ рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. XIV, № 20); кантъ третій — почеркомъ пьесы и интерлюдій.

Въ изданіи „Властотворнаго Образа“ немногія отступленія отъ рукописнаго чтенія также обязаны корректурнымъ недосмотрамъ издателя и отчасти — отсутствію оговорокъ при внесеніи въ текстъ поправокъ къ неисправнымъ мѣстамъ рукописи:

- Стр. 183,19—*рук.* подобію, *изд.* пособію.
 „ 184,16—*рук.* довлни, *въ изд. исправл.:* доволни.
 „ „ 35—*рук.* владку, *въ изд. исправл.:* владикү.
 „ 185,10—*рук.* сицевй, *изд.* сицеви.
 „ „ 11—*рук.* мѣть, *изд.* мѣет.
 „ „ 18—*рук.* преступити, *изд.* преступити.
 „ „ 29—*рук.* совершенно ясно: на; *изд. исправляетъ безъ оговорки:* ни.
 „ 186,3 —*первонач. въ рук.:* „Дар давать духа“..., *въ изд. —*
 „дать“, *безъ оговорки.*
 „ 187,10 и сл.—*кантъ почеркомъ интерлюдій, тогда какъ текстъ*
пьесы—рукою Довгалевскаго.
 „ 188,15—*рук.* Рая сладка, *изд. —* Рая славна.
 „ 189,34—*рук.* толй, *въ изд. безъ оговорки:* толикий.
 „ 191 —*рук.* кантъ написанъ почеркомъ интерлюдій.
 „ 192,1 —*рук.* явленіе третье, *изд.—*3-е.
 „ 192,23—*въ рук. той надписано надъ строкой.*
 „ „ 36—*тоже:* кое.
 „ 193,1 —*тоже:* са—*въ словъ очесамъ.*
 „ 194 —*кантъ почеркомъ интерлюдій.*
 „ 196,5 —*рук.* Свона, *изд.* Сіона.
 „ „ 13—*рук.* Явленіе четвертое, *изд. —* 4-е.
 „ 198,4 —*рук.* темъна, безну, *изд.* темна, бездну.
 „ „ 9 —*рук.:* „По окѣчаніи говорї Дїаволь до смерти по
 всѣхъ уже пророка“,—*в изданіи же имѣется только*
подчеркнутое.
 „ „ 16—*рук.* изнеможе, *изд.* и не може — *что даетъ иное*
значеніе.
 „ „ 19—*кантъ почеркомъ интерлюдій.*
 „ 200,1 —*въ рук.* слѣды того, что первоначально писавшїй
 думалъ расположить слова даже лучше въ отношеніи
 метра: „Азь *ве*[риги]“, но затѣмъ зачеркнулъ и напи-
 саль, какъ въ изданіи.
 „ 202,7 —*кантъ почеркомъ интерлюдій.*
 „ „ 35—*рук.* оуже бо, *изд.* оуже бу.

Издатель кое-гдѣ оговариваетъ вносимыя имъ поправки къ искажен-
 ному чтенію рукописи (напр. стр. 201, прим.), но кое-гдѣ, видимо,
 упускаетъ сдѣлать это.

Отмѣтимъ также рядъ деталей; обнаруживающихся при сличеніи

съ рукописью проф. Лободы изданія „Стефанотокоса“, сдѣланнаго по этой рукописи г. Рѣзановымъ.

Въ прологѣ (стр. 233,20), *рук.* всемирно просимъ, *изд.*—всемирно... Дальше въ этомъ же прологѣ (234,3) издатель предпочитаетъ болѣе новое и потому худшее чтеніе *рук.* *П* и *М* „милостивой“ лучшему чтенію *Л* „милостивной“. Въ Синописѣ (стр. 235, явл. 1), печатая „приходить“, не оговариваетъ ошибки въ рукописи; стр. 237, явл. 6-е — въ *рук.* совершенно ясно „пѣдравляютъ“, *изд.* — „поздравляютъ“.

Далѣе цифры въ нашихъ цитатахъ обозначаютъ стихи пьесы; мы отмѣчаемъ тѣ мѣста, гдѣ въ *рук.* *Л* имѣются поправки позднѣйшимъ почеркомъ, болѣе чернымъ черниломъ, поверхъ стараго, желтоватаго и выцвѣтшаго: эти поправки показываютъ, что первоначально чтеніе *Л* ближе стояло къ *М*, и что многія разнорѣчія этихъ списковъ объясняются поздними поправками, не оговариваемыми при изданіи. Интересно, что иногда проф. Рѣзановъ предпочитаетъ эти поправки старому чтенію, не указывая его.

- Ст. 47: *рук.* скорби и печали—*у* изъ *ъ*.
 „ 70: въ *рук.* вѣру, *у* изъ *ю*.
 „ 271: *рук.* не ложно, *изд.* не можно, что не даетъ смысла.
 „ 299: *рук.* Стръ (изъ поСтръ⁸, по выскоблено), *изд.* — поутру, безъ оговорки.
 „ 357: *рук.* искаты, *изд.* искати.
 „ 392: „покорно“—написано чернымъ черниломъ позже, сверхъ неразобраннаго слова.
 „ 394: *рук.* „проповѣдаютъ“, при чемъ *а* переправлено на *у*.
 „ 407: *рук.* Л—инъ, а не ино, какъ указано въ прим. 9-мъ; т. е. здѣсь то же чтеніе, что и въ *П* и *М*.
 „ 415: „будите“—*и* изъ *е*.
 „ 495: издатель предпочитаетъ чтеніе *Л* „Сокровище“, но лучше по связи съ контекстомъ чтеніе *М*: „Сокровища“.
 „ 519: въ *Л*—„пред тобою“ передѣлано изъ „предо мною“.
 „ 537: въ *рук.* *Л* „вашу“ переправлено позже, изъ „наш⁸“.
 „ 540: въ *рук.* исполняя, *ј* добавлено позже, чего *изд.* не оговариваетъ.
 „ 546: *рук.* солце, *изд.* безъ оговорки „солнце“.
 „ 561: *рук.* „кмнѣ“, *о* приписано позже, *изд.*—к мнѣ; но ниже въ прим. къ ст. 576 издатель отмѣчаетъ приписанное позже.

- Ст. 569: ум (*рук.* ѱ) — приписано позже; издатель принимает приписку, но не оговариваетъ.
- „ 586: *рук.* перстнемъ, но позже—поправка: перстнемъ; здѣсь издатель не принимаетъ поправки, но и не оговариваетъ ея.
- „ 611: *рук.*—право, *изд.* право.
- „ 654: *рук.*—оутѣхъ, *изд.*—утѣку (!).
- „ 660: *рук.*—на враговъ (напис. позже), въ *изд.* съ поправкой „На враговъ“, но опять безъ оговорки.
- „ 666: *рук.*—*Л* первонач. „искавшие“, какъ и *М*; только позже *е* переправлено на *и*.
- „ 668: *и* (въ *рук.* *ј*) вписано позже, принято *изд.* безъ оговорки.
- „ 678: *рук.*—*Л*, какъ и *П*, „поймавши“; въ *изд.* совершенно лишняя и неоговоренная поправка „поймати“.
- „ 678: *рук.*—разтерзати, *изд.* растерзати.
- „ 685: въ *рук.* *Л* первонач. безстыдно, позже *ы* переправлено на *у* по требованію риѣмы; въ *изд.* оговорки нѣтъ.
- „ 693: *рук.*—собравше, *е* первоначально изъ *и*.
- „ 705: неправильна ссылка на *рук.* *Л*, прим. 11: тамъ, какъ и *П* и *М*—„всемощна“, а не „всемощно“.
- „ 730: *рук.* *Л*—нищие, *е* какъ будто позже, но блѣднымъ черниломъ; въ *изд.* согласно требованію размѣра „нищи“, но безъ оговорки относительно исправленія рукописнаго чтенія.
- „ 741: *и* (*рук.* *ј*) вписано позже, въ *изд.* не оговорено.
- „ 744: въ *рук.* *Л*—скорбь, какъ и *П* и *М*, а не „скорби“, какъ говоритъ *изд.* въ прим. 10-мъ, стр. 275.
- „ 788: *В* добавлено издателемъ по другимъ спискамъ, въ *Л*—нѣтъ; это не оговорено.
- „ 829: въ *рук.* описка: нимоло.
- „ 837: *вовсе*—*е* изъ *я*, какъ и въ *М*; напрасно издатель предпочитаетъ позднюю поправку.
- „ 849: въ *рук.* первоначально—„друзы“, позже *ы* переправлено на *и* и стерта характерная черта языка автора: то же и въ —
- „ 855—856: въ *рук.* первонач. „ради“, издатель предпочитаетъ позднюю поправку: „рады“.
- „ 857: тоже предпочтеніе поздняго чтенія, стирающаго черты

- оригинала: въ *рук.* первоначально „люде“, позже *e* переправлено на *и*; *изд.* даетъ чтеніе исправленное—позднее.
- Ст. 866: въ *рук.* первонач. по малор. орографіи XVIII вѣка—„ненавѣстные“, позже изъ *ъ* передѣлано *и*; издатель даетъ безъ оговорокъ „ненавистные“.
- „ 895: *П* и *М* даютъ чтеніе „тѣм“, *Л*—будто бы „чѣм“ (прим. 6-е), но это совершенно невѣрно: *Л* согласно съ *П* и *М*!
- „ 910: зрѣти—*ъ* передѣлано позже другимъ почеркомъ изъ первоначальнаго *и*.
- „ 911: *и* добавлено въ *Л* позже.
- „ 923: „в дарованной“—издатель замѣчаетъ, что *e* нѣтъ въ *П* и *М*; добавимъ, что и въ *Л* оно вписано позже.
- „ 938: „енушите“ *Л*, въ *П* и *М*—„слышите“; издателю слѣдовало бы отмѣтить, что и въ *Л* первонач. было *сл...* и что *ен* написано позже и, такимъ образомъ, чтеніе издателя противорѣчитъ всѣмъ тремъ спискамъ и опирается на позднѣйшую поправку.
- „ 942: не оговорено, что въ *рук. Л.* читается: „...земли Азія перва“..., причѣмъ *азія* вписано позже и совсѣмъ не кстати; въ *изд.* взято чтеніе *М* и *П*, что не указано.
- „ 950: въ *рук. Л.* такъ же какъ и въ *М* первоначально было „В человѣцѣ“, *x* надписано позже.
- „ 994: въ *рук.* желанія, позже изъ *я* сдѣлано *e*; *изд.* даетъ исправл. чтеніе безъ оговороки.
- „ 1010: *изд.* „хотятъ“, согласно, видимо, съ *М* и *П*; *Л*—„хочетъ“. Лучшее ли чтеніе выбралъ издатель? Думается, лучше (какъ навѣрное было въ оригиналѣ) — „хочутъ“ (*e* могло явиться изъ *ю*, писавшагося похожимъ на *e*).
- „ 1021: *изд.* „видятъ“, *рук. П.*, а также *Л*—видятъ; въ *Л* это первоначальное *и* позже исправлено на *ъ*, что и принимаетъ безъ оговорокъ издатель.
- „ 1024: *рук. П., М* „достъвши“, тоже—первонач. и въ *Л.*, но издатель почему-то предпочитаетъ вопреки указаніямъ трехъ списковъ—позднюю поправку „достигши“.

Замѣтимъ еще нѣсколько неточностей въ прозаическихъ частяхъ пьесы: въ аргументѣ явл. I, Д. IV (259): „и въ сокровище“—*и* отсутствуетъ въ *Л*, что не оговорено. Въ аргументѣ явл. 3-го, Д. IV (стр. 266) въ *рук. Л.* „купи“—надписано позже; „оуготоваль былъ“—

„быль“ зачеркнуто, какъ несоотвѣтствующее духу русскаго языка XVIII ст., это—также не отмѣчено издателемъ. Въ эпилогъ (стр. 290): изд. „на нынѣшнее позорище“, въ рук. Л. „нѣнѣнемъ“, позже—исправлено согласно съ *М* и *П*: *Л* согласно съ *М* — „вашего“, позже — *го* зачеркнуто; въ изд. это также не оговорено.

Можно задать вопросъ, какое значеніе могутъ имѣть эти мелкія неточности издателя, допущенныя въ изданіи поздняго памятника литературы—XVIII в. Вотъ какое, на нашъ взглядъ: прежде всего, опущенныя издателемъ оговорки о соотвѣтствіи первоначальнаго текста въ спискѣ *Л* и *М* указываютъ на нѣкоторыя возможные предположенія относительно исторіи текста памятника: далѣе — предпочтеніе позднихъ поправокъ старшему чтенію, иногда согласному во всѣхъ трехъ спискахъ, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на критическіе приемы издателя и даетъ основаніе оцѣнивать его трудъ нѣсколько иначе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Конечно, пользоваться имъ можно, но было бы умѣстно, чтобы издатель не только не стиралъ черты языка автора (стиль кое гдѣ проглядываетъ: „зря на сего собаку смердяща“, 524; „жити въ огидѣ“, 817), кое гдѣ проскальзывающія въ великорусскомъ спискѣ, но и отмѣчалъ все, что внесено въ списокъ, признанный имъ основнымъ,—болѣе позднею рукою, какъ онъ сдѣлалъ это самъ на стр. 280, прим. 9. Въ заключеніе скажемъ, что мы, приводя выписанныя выше замѣчанія и указанія на различія и недосмотры, имѣли въ виду не преуменьшить значеніе труда проф. Рѣзанова, а лишь привести матеріалъ для исторіи текста „Стефанотокоса“.

Намъ не случилось имѣть подъ руками рукописей, послужившихъ при изданіи остальныхъ текстовъ, изданныхъ проф. Рѣзановымъ. Но на основаніи сдѣланныхъ наблюденій можно догадываться, что и тамъ при сличеніи мы можемъ встрѣтить лишь мелкія, несущественныя различія между рукописями и изданіемъ, главнымъ образомъ, корректурнаго характера ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, цѣнность опубликованныхъ въ разбираемомъ трудѣ текстовъ—значительна, и мы увѣрены, книга проф. Рѣзанова займетъ почетное мѣсто среди сборниковъ пьесъ изъ репертуара стариннаго русскаго театра.

¹⁾ Достаточно сравнить съ текстами, изд. г. Рѣзановымъ, извѣстное изданіе „Русскія драматическія произведенія“ Тихонравова, гдѣ мы въ свое время нашли на 10 страницахъ изрядное для такого знатока древней письменности количество грубыхъ ошибокъ, см. нашу статью „Скоморошья вирши“, 1898 г., стр. 8.

Заканчивая разборъ важнаго для исторіи стариннаго русскаго театра труда проф. Рѣзанова, мы ставимъ вопросъ: достигъ ли своей цѣли его авторъ? Этой цѣли авторъ достигъ лишь отчасти. На стр. 340 диссертациі („Школьные дѣйства...“) онъ пишетъ, что „выясненіе размѣра и предѣловъ вліянія іезуитскаго театра на русскія и рождественскія и пасхальныя дѣйства и установленіе этихъ связей съ театромъ мистерій“—было „главнѣйшимъ результатомъ“ его наблюденій и изученій. Думается, авторъ нѣсколько переоцѣниваетъ достигнутые имъ результаты: именно „размѣра и предѣловъ“ ему и не удалось обнаружить, какъ и убѣдить читателя, что предѣ нами въ книгѣ г. Рѣзанова нарисована эволюція мистерій „отъ береговъ Атлантическаго океана до предѣловъ западной Сибири включительно, въ теченіе времени отъ X в. до половины XVIII столѣтія“ (тез. 10). Подъ эволюціей вообще, да и въ частности, въ области литературы—наука понимаетъ нѣчто иное, чѣмъ совпадающее по времени или слѣдующее одно за другимъ появленіе тѣхъ или иныхъ обработокъ одного сюжета. Изъ того факта, что нѣкій іезуитъ обработалъ въ концѣ XVII в. сюжетъ о благочестивомъ царѣ Езекиа, а позже—тотъ же сюжетъ былъ обработанъ въ 1727 г. учителемъ славяно-греко-латинской академіи—нельзя заключать объ эволюціи драмы, какъ нельзя и на основаніи наличности средневѣковыхъ обработокъ, обработокъ XVI—XVIII вв. въ западной Европѣ и, наконецъ, на Украинѣ, того или иного сюжета утверждать, что здѣсь эволюционируетъ одно явленіе: надо доказать прежде, что Украина хорошо знала средневѣковый и гуманистическій театръ, что между малорусскими пьесами и латинскими, нѣмецкими, французскими, польскими есть текстуальныя совпаденія; что эти совпаденія, наконецъ, не объясняются изъ общаго источника; что іезуитская и ранѣе—мистеріальная драма подѣ перомъ украинскихъ драматурговъ дали нѣчто новое, развившееся изъ первоначально болѣе простыхъ формъ... Только зная это и многое еще другое, можно говорить объ эволюціи, а не о случайномъ совпаденіи или—случайномъ же заимствованіи готоваго, на новомъ мѣстѣ вовсе не обнаружившаго тенденціи къ дальнѣйшему развитію.

Вотъ почему, полагаемъ мы, главная цѣль автора обширнаго изслѣдованія осталась недостигнутой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что въ русской научной литературѣ до появленія книги проф. Рѣзанова не было столь обстоятельно и трудолюбиво сдѣланнаго подбора матеріала, который послужитъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ путеводною нитью въ ихъ разысканіяхъ. Мы отмѣтили выше

нѣкоторые пробѣлы въ литературѣ предмета; кое чѣмъ нашъ авторъ не могъ или точнѣе — не успѣлъ воспользоваться. Но и безъ того слѣдуетъ отмѣтить его обширную эрудицію и стремленіе освѣтить явленія исторіи украинскаго театра, при томъ пользуясь данными исторіи театра западно-европейскаго. Пусть параллели, приводимыя проф. Рѣзановымъ, и не даютъ всегда отчетливой картины генетической зависимости русскихъ обработокъ Рождественскихъ или Пасхальныхъ сюжетовъ отъ европейскихъ; но онѣ все же освѣщаютъ лучше, чѣмъ это было у предшественниковъ нашего автора, взаимоотношенія украинскаго и европейскаго театра въ XVII и XVIII вв. Наконецъ, проф. Рѣзановъ не мало даетъ полезныхъ указаній и сближеній между памятниками украинской драмы XVIII в. и ихъ старшими предшественниками, вышедшими изъ-подъ пера украинскихъ же духовныхъ драматурговъ. Наконецъ, изданіе текстовъ составляетъ неоспоримую заслугу проф. Рѣзанова, подарившаго ученымъ работникамъ полезный, интересный и почти всегда свѣжій матеріаль.

